

ВАДИМ
ЛЬВОВ

Оперативное вмешательство

Враг у ворот. Фантастика ближнего боя

Вадим Львов

Оперативное вмешательство

«ЭКСМО»

2015

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Львов В.

Оперативное вмешательство / В. Львов — «ЭКСМО»,
2015 — (Враг у ворот. Фантастика ближнего боя)

Британские спецслужбы вознамерились любой ценой сравить Российскую Федерацию с ее союзниками и экономическими партнерами. Ставка в этой игре — не больше, не меньше — дальнейшее существование Британского Содружества, а значит, англичане готовы на любые жертвы. Тем более если эти жертвы понесут какие-то там русские. Но русские не согласны жертвовать собой ради империи, над которой никогда не заходит солнце, и на пути вражеских агентов встают сотрудники Управления специальных операций ГРУ оперативник Харон и его коллега, хрупкая дагестанская женщина Нафиса, русского мужа которой убили исламисты...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Львов В., 2015
© ЭКСМО, 2015

Содержание

Челтнем. Глостершир. 12 января	6
Мальме. Швеция. 14 февраля	13
Окрестности Бенгази. Ливия. 16 февраля	18
Махачкала. Дагестанский союз. 20 марта	23
Москва. Русь. 24 марта	34
Восточный Лондон. Великобритания. 27 марта	37
Санкт-Петербург. Русь. 9 мая	40
Московская область. Горки-9. 10 мая	47
Тегеран. Исламская республика Иран. 10 мая	50
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Вадим Львов

Оперативное вмешательство

© Львов В., 2015

© ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

*При некрозе необходимо оперативное вмешательство, необходимо
удаление омертвевшей части.*

Из медицинской энциклопедии

*В XIX веке все учили французский, и русские взяли Париж,
В двадцатом был популярен немецкий, русские взяли Берлин,
Сейчас все учат английский!
История повторяется?!*

Из современного фольклора

Челтнем. Глостершир. 12 января

Известно, что английская погода редко радуется солнечными днями, но здешний январь, пожалуй, один из самых отвратительных месяцев.

Этот январь отметился, помимо пронизывающего ветра, неожиданно сильными метелями, завалившими снегом улицы городов Южной Англии и Уэльса и практически парализовавшими движение.

Челтнем – небольшой город-курорт, чрезвычайно оживленный летом, сейчас казался вымершим. Местные жители сидели по домам возле настоящих или электрических каминов и, глядя в телевизор, потягивали виски или херес.

Исключение составляла западная окраина Челтнема. Там возвышалось похожее на инопланетный космический корабль здание футуристической архитектуры, где в любую погоду и время светились десятки окон и, не покладая рук и мозговых извилин, работали неразговорчивые люди. Это здание тщательно охранялось, и не дай бог кому-нибудь попытаться проникнуть в него без разрешения. Служба безопасности, составленная из отставников элитных британских частей, в случае незаконного проникновения стреляла на поражение. Уж слишком много в мире желающих проникнуть в это здание, любовно называемое сотрудниками «пончиком».

В «пончике» на западной окраине Челтнема находилась самая закрытая и самая засекреченная из специальных служб Соединенного Королевства – GCHQ.

Подавляющему большинству людей планеты Земля это неказистое словосочетание не говорило ни о чем, но те немногие, кто в силу своей профессии знали расшифровку этой аббревиатуры, обычно сразу хмурили брови.

Government Communications Headquarters – Штаб-квартира правительственной связи. Но сегодня здесь не шла речь о проблемах на фронтах невидимой электронной войны или о новом, вышедшем из-под контроля создателей компьютерном вирусе.

Здание GCHQ использовалось для совещания, уровень секретности которого даже нельзя было определить. Именно поэтому его перенесли сюда, в тихий и провинциальный Глостершир, из шумного Лондона, подальше от проницательных журналистов, постоянных пробок и любознательных иностранных дипломатов. За исключением директора GCHQ Йена Лоутона, остальных участников совещания, несмотря на непогоду, в Челтнем доставил из столицы вертолет Merlin HC3 из 78-й эскадрильи RAF.

Сейчас в кабинете с высоким потолком и светло-кремовыми стенами, украшенными батальными картинами, собралось семь серьезных, подтянутых пожилых мужчин, представляющих некогда самую старую и, пожалуй, наиболее эффективную разведывательную систему в истории человечества. Во многом именно благодаря разведке, шедшей рука об руку с дипломатией, Великобритания превратилась из заурядного и, по сути, бесперспективного островного королевства в империю, равной которой не было в мире. Столетиями британские секретные службы оттачивали мастерство шпионажа, шантажа, подкупа и тайных операций. Веками плелась невидимая миру тонкая, чуткая и липкая паутина, и горе неосторожным «мухам», попавшим в нее! Либо «муха» начинала жужжать на пользу островного королевства, либо погибала. Начинались и заканчивались войны, гремели революции, сметая режимы. Один британский премьер-министр сменял другого, но разведка продолжала работать, как часовой механизм: четко и размеренно.

Проблемы, настоящие проблемы, начались у разведки сразу после Первой мировой войны, с блеском выигранной. На мировую сцену вышли новые игроки: бывшая заокеанская колония и страна, официально заявившая о построении всемирной пролетарской республики. Обе эти державы агрессивно стремились к переделу мира, и Британская империя им очень сильно мешала. Вскоре к ним присоединились хищники размером поменьше: Япония и гитле-

ровская Германия, с вожделием и завистью смотрящие на лакомые куски Британской колониальной империи.

Вот здесь и началась череда жутких геополитических ошибок, повлекших за собой тяжелейшие последствия. Ввязавшись в войну с Гитлером, Великобритания благополучно профукала все козыри, имеющиеся в руках, и потеряла финансовую независимость. Разведка делала что могла, но тщетно... Политики играли в свои игры. Горьким, очень горьким был привкус великой победы летом 1945-го...

Более того, верхом унижения стала передача американским союзникам стратегических ядерных технологий. Запоздалая попытка Черчилля сыграть на разжигании противостояния между СССР и США путем передачи «дядюшке Джо» документации на новейшие авиационные двигатели не привела к конфликту между бывшими союзниками. У Вашингтона уже была ядерная бомба, а у Сталина – осторожность и расчет. Ситуация перешла к «холодной войне» на истощение, периодически взрывающейся кровавыми нарывами локальных конфликтов.

Отношение к разведке не поменялось даже в пятидесятые годы прошлого века, когда величественное здание Британской империи стало рушиться на глазах, рассыпаясь на куски. Секретные службы королевства и так делали все возможное, стараясь минимизировать ущерб от политических ошибок.

После 1960 года Великобритании, ослабленной развалом колониальной империи и финансовыми неурядицами, оставалось только плестись в фарватере глобальной американской политики, надеясь на лучшее, на возвращение былой славы.

В конце концов, в мире нет ничего вечного, кроме британских интересов. Друзья и враги – понятие временное, а Великобритания – это навсегда.

Распад СССР не принес облегчения в политике, тем более что вместо привычных Советов, почивших в бозе, на арену вышли новые игроки, экономика стала глобальной, а к этому Великобритания оказалась не готова. Здесь опять же нет вины разведки, но, практически отказавшись от собственной индустрии и объявив о постройке передового постиндустриального общества, Великобритания рухнула в пропасть, из которой, как казалось, не было выхода.

Континентальная Европа во главе с извечными противниками Лондона: Францией и Германией, забыв о прежних распрях, слились в крепкий военный, экономический и политический союз с собственной валютой, в котором британскому фунту стерлингов ловить было нечего. Более того, явственно просматривался стратегический союз между ЕС, с одной стороны, и постсоветской Россией – с другой. Если еще к этому союзу присоединился бы Пекин, то Великобритания и все британское Содружество оказались бы жуткой периферией. Следом обязательно распалось бы и само Содружество, последний бастион империи. Канада полностью отошла бы под североамериканский контроль, Австралия – под китайский, как и Южная Африка. Давно уже китайский бизнес чувствует себя в этих регионах как дома. Вряд ли удержалась бы и сама Великобритания. Шотландский сепаратизм силен как никогда. Следом за Эдинбургом отпадут Уэльс и Северная Ирландия, это вопрос времени. И гордая Англия превратится в то самое никому не нужное нищее королевство, каким оно было в середине XVI века...

* * *

– Приступим, господа! – открыл совещание, уже нареченное «тайной вечерей шпионов», председатель Объединенного комитета по разведке сэр Алистер Берк, назначенный на эту должность совсем недавно, меньше трех месяцев назад. До этого Берк работал в аппарате Форин-офиса в ранге заместителя государственного секретаря. Он отвечал за Ближний Восток, Афганистан, Северную Африку, а также за борьбу с терроризмом и распространением оружия массового поражения. В круг его прежних обязанностей также входили связи с США. Именно такой разнообразный опыт работы и уровень связей стали той высокой ступенькой, благодаря которой мистер Берк оказался в жестком кресле координатора разведывательных

служб ее величества. По правую руку от председателя ОКР сидел глава SIS – Секретной разведывательной службы, более известной как МИ-6, сэр Джон «Кельт» Финли, с левой – шеф военной разведки маршал авиации Дуайт Николсон, еще дальше – хозяин этого кабинета и здания, шеф Government Communications Headquarters, шахматист и математик, Йен Лоутон. На этом, собственно, шпионы закончились и начинались более интересные личности.

Напротив Лоутона, прямо под картиной со взятием Гибралтара, сидел барон Кристофер Эртон – вице-президент ВВС – одной из крупнейших мировых информационных корпораций, бывший губернатор Гонконга и влиятельный человек, вхожий в королевский дворец. Чуть дальше – отставной полковник британской армии и ведущий специалист по ведению психологической войны, ныне преподающий в Оксфорде, Дэйв Оллфорд и, наконец, профессор истории сэр Джейкоб Меллис – высокий благообразный старик, лучший из живых и находящихся в здравом уме «советологов и русологов» еще той, старой школы...

– Все ознакомились с докладом, подготовленным специалистами группы Лоутона? – тихо проговорил Берк, проводя тонкими пальцами по скромной картонной папке.

Присутствующие закивали. Речь шла о сжатом в десяток страниц сверхсекретном документе, подготовленном лучшими умами Великобритании. Ценность документа была в том, что исходные данные получили три независимые друг от друга команды аналитиков. Эти команды работали на Секретную службу, Министерство обороны и банковский конгломерат HSBC и в течение года обрабатывали поступающую информацию, а затем выдали «на-гора» три разных отчета, но с очень похожими результатами. За эти разрозненные отчеты взялись ребята Лоутона, превратив их в сухой официальный документ.

Документ сначала был сделан в трех экземплярах, потом еще в четырех. Семь тоненьких картонных папочек произвели внутри британского истеблишмента эффект, похожий на детонацию термоядерной боеголовки. В двух словах можно было описать его содержимое так: «Великобритания умирает». Некогда великая держава продолжает катиться по наклонной в направлении пропасти, дна которой не видно.

– Слава богу! – неожиданно первым подал голос барон Эртон. – А то у меня, господа, от постоянных унижений уже горят уши!

Николсон вздрогнул.

– Вы о бедняге Старке? – спросил барона мрачный и собранный Финли.

– О нем, и не только... Говорю не только о толпах плебса, громивших Лондон и разогнанных полицией и добропорядочными гражданами... Вспомните давнюю историю с задержанием иранцами пятнадцати наших моряков с «Корнуолла». Их морили две недели в плену, потом снисходительно отпустили, публично макнув нас головой в дерьмо. В итоге крайним оказался капитан эсминца Вудс, а Тегерану все сошло с рук... Теперь русские. Москва просто взяла и повесила британского подданного, бригадного генерала, сразу после Нового года, несмотря на заступничество премьер-министра и самой королевы... На глазах у всего мира нам плюнули в лицо, и теперь остается только утереться...

– Так почему «слава богу»? – перебил словоохотливого барона Николсон.

– Да потому, что нашлись еще в Англии люди, которые могут сказать нам правду, хоть и самую неприятную. Значит, можно действовать, черт побери, – ответил барон и обратился к Лоутону: – Йен, у вас не найдется стакана ирландского виски? Есть ли, к примеру, «Бушмилс»?

– Нет. Вы знаете, мне врачи запретили употреблять что-либо крепче минералки! – недовольно пробурчал Йен, блестя очками в старомодной оправе.

– Я согласен с нашим бароном. Слава богу, мы теперь знаем правду! – вставил Берк, мгновенно переводя болтовню в русло делового разговора. – Джон, что скажет Секретная служба?

– Угроз слишком много, а наши возможности весьма ограничены. Но общая ситуация в мире складывается так, что мы имеем шанс повернуть Фортуны лицом к Лондону, если сыграть синхронно и четко.

– Надеюсь, речь идет не о вторжении в Россию через Санкт-Петербург? – насмешливо спросил Меллис, поправляя воротник пиджака. – Думаю, нашего нынешнего флота хватит для переброски пары батальонов в один конец...

– Нет, сэр, что вы, – отозвался Берк, поворачивая лицо к ветерану «холодной войны». – Просто я хочу вернуться к политике времен Уильяма Питта. «У Англии нет постоянных друзей, но есть постоянные интересы».

– Похвально, мой друг, похвально... И раз я здесь присутствую среди таких молодых и уважаемых джентльменов, речь, видимо, снова пойдет о России? И о той яме, куда нам ее требуется столкнуть...

– Нет, – заметил Финли, подняв вверх палец. – Если рухнет одна Россия, остальные монстры только усилятся.

– Вы и Вашингтон имеете в виду? – напрямую спросил глава Defense intelligent Николсон, уставившись своими совиными глазами на Берка и Финли...

– Когда мы оказались в подобной ситуации, Вашингтон не испытывал рефлексии, дружище Дуайт. Напомнить вам историю с полусотней старых корыт в обмен на наши базы? Или Вашингтонскую конференцию, когда, используя наши долги и тяжелое экономическое положение, заокеанские друзья навязали сокращение линейного флота? Может, вспомнить их заигрывания с русскими за нашей спиной в ходе Суэцкого конфликта?

Николсон пожал плечами:

– Это было давно. Сколько лет мы воюем против общих врагов?

– Пришло время платить по счетам, Дуайт, – веско напомнил Финли. – Тем более что сейчас сложилась благоприятная обстановка. Мистер Оллфорд, сэр, что вы скажете по этому поводу?

Отставной полковник, один из основателей теории психологической войны и бывший офицер 22-го полка САС, скромно сидел в сторонке и рисовал на выдерганном из блокнота листе бумаги геометрические фигуры и закорючки.

Скомкав листок и отбросив его в сторону, Оллфорд сказал:

– В трех ведущих государствах мира: США, Китае и России, сложилась похожая ситуация, несмотря на разницу политических систем. Элиты расколоты, и между ними идет отчаянная борьба. В Пекине к власти рвутся молодые провинциальные лидеры, считающие Китай единственной сверхдержавой и готовые бросить вызов Западу и русским одновременно. Это усугубляется «перегревом» китайской экономики и серьезными волнениями в южных провинциях. Старая гвардия ЦК во главе с Лю Хайбином, естественно, уступать не хочет и вынуждена вести более активную внешнюю политику. Первый узел, без сомнения, – Центральная Азия. Москва сделает все, чтобы свести к минимуму китайское влияние в этом регионе. Стрельченко давно считает эти земли своим сырьевым придатком и действующие там режимы – своими марионетками. У Пекина, особенно в разгар кризиса, на это другое мнение...

– С математической точки зрения вероятность столкновения приближается к семидесяти процентам, – вставил Йен Лоутон. – Китай без транзитного коридора к Каспию и Персидскому заливу просто задохнется.

– Верно! – поддержал коллег Берк. – Только это, по большому счету, нам ничего не дает. Скажите, Дуайт, что вы думаете о вооруженных силах КНР?

– Они чрезвычайно многочисленны, но находятся далеко не в лучшей форме. Несмотря на лихорадочное развитие собственного флота, ракетного и авиационного вооружения, существует несколько серьезных проблем в обороноспособности Китая. Это отсутствие какого-либо реального боевого опыта, традиционная китайская косность и консерватизм. И небольшой процент современного вооружения. Нет современных крылатых ракет уровня «Томагавк», ракет среднего и малого радиуса действия для ВВС, в сухопутных войсках современная тех-

ника существует лишь в некоторых дивизиях и бригадах, которые показывают иностранным журналистам мощь обновленной китайской армии.

– В случае столкновения Китая с Россией, вернее с Русью, какие у вас прогнозы? Как у профессионального военного.

– Сейчас судить сложно, но мое личное мнение: Китай против русских не потянет. НОАК может добиться быстрых тактических успехов как на Дальнем Востоке, так и в Центральной Азии, но потом русские обрушат на них всю свою мощь. Промышленность и энергетика Китая очень уязвима для ракетных атак и находится в зоне поражения русских ВВС, наземных ракетных комплексов нового поколения. У русских, без сомнения, очень мощная ПВО, которая сможет отбить возможные атаки китайских оперативно-тактических ракет. Современных бомбардировщиков, кроме купленных у русских же «Фланкеров» и их копий, у Китая нет. Стянув в один кулак свои сухопутные войска и развернув массовую армию, учитывая технологическое превосходство, Москва через полгода сломит Пекин.

– Вашингтон не позволит Пекину сильно давить на Москву, если что... Тем более Вашингтону крайне не выгоден союз Пекин – Исламабад – Тегеран – Дамаск, который сейчас складывается. Последняя стратегическая концепция президента Обайи строится вокруг сдерживания амбиций Пекина. Достаточно вспомнить о новой американской военной базе в австралийском Дарвине.

Все присутствующие как по команде замолчали, переваривая услышанное. Москва и Вашингтон в последнее время все чаще играли «в две руки» на тонких струнах геополитики. Особенно когда речь касалась Евросоюза или Китая. Поглотив Украину и установив там абсолютно лояльный режим, Москва отдала в руки Вашингтона Венесуэлу, лишив тем самым Уго Гомеса какой-либо поддержки. Кремль объективно считал, что своя рубаха гораздо ближе к телу. В ситуации с Китаем было однозначно понятно, что Русь получит полную поддержку от США. Как моральную, так, возможно, и техническую. Центральная Азия и Каспий, входящие в зону русских интересов, американцев интересовали мало, но недопущение КНР в зону Персидского залива было задачей номер один для Белого дома.

– Китай получил за последние четыре года несколько увесистых пощечин. Сначала Венесуэла, где американские морпехи смахнули Гомеса вместе с контрактами для китайских корпораций. Затем Ливия, Южный Судан... И самое болезненное поражение в Таджикистане. Контракт на завершение строительства грандиозной Рогунской ГЭС выиграла – кто бы сомневался? – Томская компания «Сибгидроэнерго». Местным царькам, чувствующим у своих жирных задниц русские штыки, оставалось только согласиться. Ценность высокогорной ГЭС в том, что она контролирует почти половину водных ресурсов Центральной Азии. А в этих местах вода дороже золота и даже жизни. Таким образом, ключ от Средней Азии оказался в московском кармане. Каждое геополитическое поражение КНР означало многомиллиардные потери корпораций в разгар кризиса и обостряло борьбу между «молодыми тиграми» и «старой гвардией» в ЦК КПК и Госсовете!

Йен Лоутон наконец закончил свой длинный монолог и облегченно вздохнул. При его работе редко приходится так много говорить. Зато сразу оживился барон Эртон.

– Если ваши расклады верны, господа, а в этом лично я убежден, то сам конфликт между Китаем и Россией нам никакого выигрыша не дает. Даже, наоборот, американцы усилят присутствие в Австралии и, возможно, в Канаде. Окончательно подомнут под себя Индию.

– Верно. Но если Москва нападет на одну из стран НАТО, то Вашингтон будет вынужден ее защищать. Тут же активизируется и Китай. Это шанс для него устранить влияние США и России, если они сцепятся между собой. – Финли откинулся в кресле и побарабанил пальцами по столу.

Николсону тема совещания нравилась все меньше и меньше. Бывший пилот, потом командир эскадрона самолетов-разведчиков «Ягуар», прославившийся еще во время «Бури

в пустыне» и попавший в кресло начальника военной разведки, Дуайт всячески сторонился политики, сосредоточившись на непосредственном обеспечении информации для вооруженных сил Великобритании. Но разведка – дело грязное, рано или поздно измажешься дерьмом по самую макушку. Сейчас, видимо, пришло и его время. Но как же противно...

– Дуайт, вы опять уклоняетесь от беседы? – вернул Николсона к реальности скрипучий неприятный голос Берка. – Как вы думаете, могут ли, хм... наши континентальные союзники противостоять русским?

– Нет. Без помощи США или ядерного оружия Евросоюз атаку русских, случись что, не отобьет. В одиночку. Но ядерное оружие есть только у нас или французов...

– И мы не торопимся его применять, – закончил фразу Финли. – Мистер Меллис, по вашему мнению, может ли Россия, тьфу, Русь, напасть, к примеру, на Польшу?

– Без веской причины? Никогда. Сейчас русский лидер напоминает росомаху, патрулирующую собственные охотничьи угодья. Господства на постсоветском пространстве ему вполне хватает. Но не дай бог, если кто-то посягнет на его территорию, как это было в случае с Украиной... Реакция будет мгновенной.

Алистер Берк сделал пометку в блокноте. Тем временем Финли повернулся к Оллфорду:

– Какова будет реакция русских, к примеру, на обстрел их населенного пункта с последующей гибелью жителей? Или на теракт против туристов?

Оллфорд, нарисовав очередную закорючку на очередном вырванном листке, неторопливо проговорил:

– Реакция будет жесткой. Стрельченко во главу угла своей политики и предвыборной риторики ставит защиту простого гражданина. От чиновников, от преступников... Так что гибель сограждан – это для него сильнейший раздражитель. Здесь он элементарно может пойти напролом. Особенно если почувствует, что противник слабее его. Мы не должны забывать о том, что его окружение состоит из весьма агрессивных личностей, привыкших в последнее время к силовому давлению и победам.

– Выборы! – поддакнул Эртон. – Вот она – великая сила племса... Случись обострение в Европе, Обайю просто сожрут республиканцы и консерваторы из Сената, помнящие еще Рейгана. Ему припомнят все шашни с Москвой...

– Да. И ему ничего не останется, как занять сверхжесткую и принципиальную политику по защите Европы и единства НАТО перед лицом «русской угрозы», – снова закончил фразу Финли. – Друг мой Лоутон! Вы у нас здесь самый блестящий математик. Как вы считаете, какова вероятность начала конфликта, если... как бы это сказать... – Финли замялся, подбирая правильное слово.

– Устроить провокацию, – подсказал ему Николсон, едва заметно скривив губы от отвращения к самому себе.

– Вот именно. Устроить провокацию, учитывая предвыборную гонку в США и на Руси... Всем было понятно, что Йен и его ребята с помощью суперкомпьютеров давно получили ответ, но играть свои роли приходилось до конца. Правда, непонятно, для каких зрителей.

– От семидесяти семи до восьмидесяти одного процента, – помолчал, ответил Лоутон.

Дуайт увидел, что у шефа GCHQ слегка дрожат пальцы, выдавая напряжение.

– Отлично, – сказал Алистер Берк, делая еще одну пометку и закрывая органайзер в дорогом кожаном переплете.

– Осталось дожидаться, чтобы русские сами сунули лапу в капкан. Причем одновременно с американцами и китайцами, – задумчиво сказал Меллис, снова теребя воротник пиджака.

– А вы не волнуйтесь, сэр. Сунут. Еще как сунут... Только для этого придется активизировать всю нашу агентуру и всех сочувствующих...

– Это опасно! – взвился Николсон. – Одна ошибка приведет к провалу всей сети, выстраиваемой десятилетиями. Более того, провал приведет к невиданному скандалу...

– Сделайте так, Дуайт, чтобы провала не было! – жестко отрезал Берк. – Ибо на карту поставлено будущее нашей страны... Лично контролируйте агентов, обдумывайте каждый шаг. Провал недопустим! Значит, так! – Алистер Берк встал и прошелся по кабинету, он напоминал огромную доисторическую хищную птицу. – Финли и Николсон работают с агентурой по специальным операциям. Используйте все ресурсы. Надо рисковать, но дать нужный результат. Сэр Эртон, информационная поддержка – в первую очередь, работа с американским истеблишментом; господин Лоутон, за вами – обработка вашими «яйцеголовыми» сотрудниками входных данных, далее – дезинформация противника с помощью программы «Эшелон». Мистер Меллис, ваша работа – по русским политикам. Возможные действия с точки зрения противоречий внутри властных структур. Мистер Оллфорд, за вами психологические портреты основных фигур противника и их поведенческие реакции. На себя я беру Китай и Юго-Восточную Азию, это моя тема, и я за нее отвечаю. И запомните, ошибки возможны, провал – нет. Он исключен. Слишком высокая ставка!

Уже находясь в отсеке несущегося обратно в Лондон вертолета, Дуайт Николсон потереянно размышлял: «Куда же мы влезли?! Боже, храни Англию!»

Мальме. Швеция. 14 февраля

Офицер королевской таможенной службы Шарлотта Юнссон, миловидная крашенная блондинка тридцати пяти лет, посмотрела в лицо стоящего перед ней человека и сравнила с фотографией на паспорте. Мужчина улыбнулся Шарлотте через стекло, демонстрируя доброжелательные намерения. У мужчины немецкий паспорт и фамилия Холеци. Звали его Янош, и на немца мужчина был решительно не похож. Хотя имя Янош скорее венгерское...

– Цель прибытия в Швецию, господин Холеци? – задала Шарлотта дежурный вопрос, уже заноса руку с печатью над паспортом.

– Навестить друга и его семью, – с сильнейшим акцентом ответил Холеци, продолжая улыбаться.

Ясно, что немецкий для него не родной язык.

– Вы венгр? – как бы невзначай спросила Шарлотта, ставя на паспорте печать в виде королевского герба.

– Да, – дружелюбно кивнул мужчина. – Недавно получил гражданство.

Шарлотта улыбнулась в ответ и протянула Холеци паспорт в окошко.

– Следующий, пожалуйста! – пригласила Шарлотта.

Прибывший из Копенгагена огромный паром доставил в Мальме почти тысячную пеструю толпу пассажиров. Всех следовало пропустить через таможню как можно быстрее. некогда обращать внимание на мелочи. Надо еще успеть позвонить дочери, узнать, как у нее дела в школе. И Шарлотта с головой погрузилась в работу, сразу забыв о предыдущем пассажире.

Человек, имеющий паспорт на имя Яноша Холеци, взял свою небольшую дорожную сумку и, поеживаясь от пронизывающего ветра со снегом, поймал такси, сунул чернокожему водителю мятую бумажку с адресом, жестом показывая, что торопится.

Таксист-сомалиец попытался заговорить с пассажиром на ломаном английском, но попутчик не собиравшись отвечать, молча глядя в окно на заснеженные улицы Мальме.

Ехали меньше десяти минут, но пассажир не торгуясь протянул таксисту десять евро и, выскочив на улицу, захлопнул дверь, не слушая восхищенного лепета водителя.

Мужчина снова поежился от холода, внимательно осматриваясь. Нет, все чисто. И машина Шика, скромная «Шкода», стоит так, как они раньше договаривались.

Без пистолета или хотя бы ножа человек, стоящий сейчас на улице, чувствовал себя неуютно, словно голый. Но деваться было некуда, и он сделал шаг вперед, потянув на себя дверь, ведущую на лестницу. Уже через пару минут мужчина стоял на лестничной площадке третьего этажа, прислушиваясь и приносясь, прежде чем позвонить в дверь с цифрой «8». Нет, ничего подозрительного не было, и человек позвонил, затем постучал в дверь обговоренным посредниками стуком.

Через минуту дверь бесшумно открылась, и за ней появился силуэт среднего роста.

– Салам, Анчар...

– И тебе салам, Шик...

Шик кивнул и сделал шаг в сторону, пропуская гостя внутрь квартиры. Заходя, Анчар увидел, что хозяин, особо не скрываясь, держит в руке пистолет с привинченным глушителем.

– Ждал «оборотней» вместо меня, Шик?

Хозяин квартиры не ответил, но пистолет убрал в небольшой тайник в шкафу-купе. Потом сделал приглашающее движение рукой.

– Проходи на кухню, Анчар. Чаю выпьем. Ты продрог с дороги.

– Еще как. Ненавижу этот холод и ветер. Как эти неверные только здесь живут?

– Нормально живут, Анчар. Лучше, чем мы и наши народы...

Хозяин квартиры выверенными скупыми движениями плеснул черного крепчайшего чая в две чашки с восточным орнаментом, одну из них он протянул гостю.

– Зачем приехал, брат? – наконец спросил хозяин, дождавшись, когда гость сделает несколько глотков.

– Как зачем? – улыбнулся гость, вытирая губы. – Посмотреть, как живешь, чем дышишь... Верен ли ты до сих пор пути джихада?

Хозяин хмыкнул и отставил чашку.

– Не лучшее время и место для шуток, Анчар...

– Да какие шутки, брат? Есть вариант здорово прищемить хвост «русистам»...

Хозяин квартиры раздраженно отставил чашку.

– Я это уже слышал. Почти четыре года назад... И ты сидел через два человека от меня, когда этот козлобородый Аль-Фуллани представил нам генерала Уильяма Старка и свой грандиозный план. И сообщил: за ними теперь – вся Европа, все исламские страны... Ты помнишь, чем все это закончилось?

Анчар на секунду закрыл глаза. Как не помнить? Зловонные пещеры, забытые умирающими и заживо гниющими от газов бойцами мусульманских бригад. Вертолеты, круглосуточно висящие над головой, артиллерия, сметающая огнем целые аулы, русские десанты на перевалах и засады спецназа в ущельях. Когда они бежали, словно шакалы, с родной земли, преследуемые неверными...

– Помню. Но сейчас все будет по-другому...

– Брось, брат. Мы с тобой, считай, одни остались. За нами не только «русня» охотится, но теперь и турки и евреи. Аль-Фуллани застрелили в Джелалабаде, генерала Старка повесили в Ростове, Бахрама Аль-Саида убили в Ницце, Багаутдина застрелили в Лос-Анджелесе.

– Что? Багаутдина? Когда?

– В среду. Подкараулили на стоянке возле собственной бензозаправки. Стреляли через окно машины. Три пули в голову... Забрали часы и бумажник. Детективы думают – это разбой...

Гость наклонил голову и закрыл лицо руками.

– Прости, брат... Но я должен был сказать тебе... – печально проговорил хозяин.

Анчар кивнул и убрал руки от лица. Лицо его покраснело от злости.

– Ты очень спокойно об этом говоришь, Шик! Моего двоюродного брата, мою кровь застрелили «русисты», словно падаль, а ты!..

– Не я убил его, – отрезал Шик. – И не ори. Мы все выбрали свой путь!..

– Причем несколько раз... Ты ведь служил «русистам»?

– Служил. Как и ты, Анчар... Сколько на тебе крови феодалов?

Оба некоторое время смотрели друг на друга в упор. Хозяин квартиры наконец отвел взгляд от лица гостя и подошел к окну.

Хозяина квартиры звали Фарид Гайнуллин. Был он наполовину казанским татаринцем, а наполовину даргинцем. Родители Фариды, в то время комсомольцы, познакомились на учебе в Волгоградской высшей следственной школе. Затем отец, Рамиль, стал делать карьеру в органах, а мать устроилась на работу в райком комсомола. Шли годы, отец дослужился до начальника следственного отдела ОВД, а мать – до начальника культурно-массового отдела районной организации ВЛКСМ. Затем началась перестройка, Казань закипела антикоммунистическими митингами, а на родине матери под Тарумовкой вообще дело доходило до побоищ с соседями и стрельбы. При новой власти родители устроились весьма неплохо, мать ушла работать в мэрию, а отец пошел на повышение в МВД Татарстана. Отслужив срочную службу в знаменитой подмосковной дивизии особого назначения ВВ, демобилизовавшись в звании сержанта и поступив учиться в университет на экономиста, Фарид неожиданно получил приглашение пройти

собеседование в «хитром доме» на ул. Дзержинского, 23. После обстоятельного разговора с невыразительным лысоватым мужчиной Фариду предложили работать на ФСБ.

Потом – трехлетняя учеба в академии и десятилетняя служба в антитеррористическом подразделении ФСБ. Мотался по всему Кавказу и Поволжью. Последний год перед революцией его перевели на службу в Саратов начальником отдела управления по борьбе с политическим экстремизмом. Там он и погорел. После задержания одного паренька, подозреваемого в участии в нападении на чиновников, Фарид применил весьма жесткие методы дознания. В итоге паренек умер от внутреннего кровотечения. А родители паренька после революции не пожалели сил, чтобы «закрыть» тех сотрудников, которые были к этому причастны. В итоге возбудили уголовное дело, и Фариду выписали постановление на задержание. Фарид тут же скрылся, так как судьба многих коллег, уже полирующих нары за «преступления против личности», его никак не устраивала.

Скрывался он в Дагестане у деда со стороны матери, Мустафы. Именно там к нему подошли правоверные, которые предложили весьма выгодное сотрудничество. Один из подошедших был двоюродный брат матери, имам сельской мечети, Сайфулла. Он сказал так: «Ты мой родственник, Фарид, к тому же мудрый человек и храбрый воин, но тебя жестоко обманули твои командиры. Урусы-безбожники использовали тебя, как прирученного волка, для травли твоих же единоверцев, а теперь пришел твой черед. Тебя предали и травят. И пощады от коллег-гяуров тебе не будет».

Слушая Сайфуллу вполуха, Фарид понимал его правоту. Да, использовали и выбросили. Не просто выбросили, а еще повесили на него всех собак. Приказ на «интенсивный массаж» того парня дал лично начальник управления полковник Крапивин, который вроде как и оказался ни при чем.

У Фариды не было желания стать воином ислама, у него появилось лютое желание отомстить. Всем. В первую очередь русским. Именно этот народ он считал виноватым в том, что налаженная жизнь и карьера пошла под откос. Тогда он стал консультировать бойцов ваххабитского подполья и разрабатывать для них планы операций. Не за бесплатно, конечно. Сам никого не убивал и даже не собирался. Уж чего-чего, а исполнителей среди кавказского молодняка навалом. И ничего, что большинство – одноразовые. Здесь все решает количество. Количество организованных Фаридом терактов и нападений уже перевалило за третий десяток, и жертвы исчислялись сотнями. Чего стоит один взрыв стратегического железнодорожного моста в Ростовской области. Прозвище Шик прилепилось к нему после фразы: «Все надо делать с шиком, даже убивать», которую он сказал одному из влиятельных, ныне покойных, полевых командиров Северного Кавказа. Служба национальной безопасности и МВД уже сбили ноги, пытаясь поймать Шика, но каждый раз Гайнуллин, в прошлом отличный оперативник, ускользал, оставляя за собой трупы. Позже к охоте присоединилось и ГРУ с военной контрразведкой, но с тем же нулевым результатом.

Гость, Асланбек Дикаев, в прежней жизни был чабаном, потом боевиком дудаевских отрядов. После начала второй чеченской кампании вовремя переметнулся на сторону Москвы вместе со своим тейпом. Служил в личной охране Ахмадова, потом в «нефтяном полку» на должности командира взвода и даже впоследствии окончил Академию МВД, дослужившись до майорских погон. В отличие от Фариды, который словно верблюд протискивался сквозь игольное ушко без всякого вреда для себя, Асланбек был трижды тяжело ранен. Причем дважды своими земляками. Первый раз – когда кортеж Ахмадова угодил в засаду ваххабитов, второй – спустя десять лет во время большой русской «зачистки» в ходе украинской кампании, и третий раз год назад. На него в Каире покушались кровники тех, кого он убил на службе у неверных...

Оба мужчины молчали, думая о своем. Повисла тяжелая, словно гранитная глыба, пауза. Дикаев не выдержал первым.

– Эти люди хотят отомстить Москве, Шик. Отомстить русским!

– Что русские им сделали?

– То же, что и нам. Публично унизили. И убили близких людей.

Фарид усмехнулся, повторив фразу Дикаева:

– Их публично унизили? Убили близких? Значит, англичане и оманцы. Дерьмовая компания, Анчар. Дерьмовая... – Шик покачал головой. – Англичане сейчас никто, они не могут тягаться с «русистами»... А уж Оман... Просто смешно... Я профессионал, не фанатик и не самоубийца.

Но Дикаев сдаваться не собирался. Не для этого приехал.

– Четыре миллиона фунтов и чистый дипломатический паспорт Белиза в качестве премии!

– Зачем покойнику миллионы и дипломатический паспорт, Анчар? Ты меня не услышал? Это тухлое дело изначально!

Дикаев обескураженно замолчал, о чем-то размышляя. Наконец, тщательно подбирая слова, тихо произнес:

– Посредник просил напомнить про двадцатое января 2001 года... Аул Катуб, граница с Азербайджаном...

Фариду показалось, что он, совершенно голый, стоит в окружении стаи голодных волков. Именно такое было впечатление от слов Анчара. Вся конспирация, скрытность – все летело к черту, лишая защиты... Черт возьми, как давно это было... Тогда, будучи еще капитаном ФСБ, Шик был прикомандирован к спецотряду «Горец», укомплектованному местными головорезами для борьбы с себе подобными. Была «наколка», что в ауле Катуб у родственников скрывается некто Мурад Сайбиев – особо опасный боевик. Группе из семи «федеральных горцев» плюс Шик и еще один оперативник приказали выйти на адрес и взять террориста. Или убить... как получится. Самого Сайбиева на адресе не оказалось, но были его жена с детьми и пара бойцов. Началась пальба, и всю семью Сайбиева положили на месте.

Все бы ничего, но в ту ночь, как назло, в доме оказались двое иностранцев. Англичане. Он – Саймон Аткинсон, журналист, и она – Анна Вудс, врач МКК... Поганые идеалисты, а может, и шпионы... Таких свидетелей, понятное дело, не оставляют... Тела сожгли вместе с домом, свалив их убийство на боевиков. Черт, сколько лет прошло, но англичане знали обо всем и не трогали его до нужного момента, хотя могли это сделать сто раз. Крепко держит прошлое за ноги, не выскочишь.

Фарид сел и подлил себе крепкого чая... Сделал пару глотков и спросил:

– А на чем они тебя прихватили, Анчар?

– На американке... Я про ту малолетнюю стерву, что похитили, чтоб получить выкуп, в девяносто восьмом и вывезли к нам в горы.

– Это та, которая умерла от разрыва внутренних органов, когда ее всем аулом трахали? – поинтересовался Фарид.

– Она самая! Мы думали, что ее папа миллионер, а оказалось – просто однофамилица, ну не отпускать же ее!

Фарид удивился:

– Честно говоря, не знал, что ты и там отметился...

– А вот они знают, Шик. Пригрозили, что выдадут мое местонахождение американцам. Те либо сами убьют, либо «русне» выдадут. Они вообще все знают...

– Что-то Багаутдина они от русских не защитили...

– Он им был не нужен. Им нужны ты и я...

Хозяин квартиры молча открыл холодильник и вынул бутылку шведской водки Svedka и селедку. Чисто по-русски, одним движением, ее открыл и налил себе полный стакан, следом Асланбеку.

Перед тем как выпить, посмотрел Анчару в глаза и сказал:

– Бывших террористов, как и чекистов с ментами, не бывает, Анчар! – И залпом осушил стакан.

– Завтра в десять утра в порту, у кассы номер три, – ответил ему Дикаев, затем встал и направился к выходу. – До встречи, Шик...

Водка в его стакане так и осталась нетронутой. Фарид хмыкнул и допил ее, даже не поморщившись...

В соседнем доме, где на чердаке была оборудована конспиративная квартира, молодой человек, сидящий напротив ноутбука, снял наушники и, потянувшись, обратился к старшему по возрасту напарнику, неотступно следящему за домом напротив:

– Этот Шик быстро спекся. Бухает, как русский, а еще мусульманин... Начальство почему-то считает его суперменом!

– На то и начальство, чтобы так считать. У него три десятка терактов за спиной, – отрезал старший, не отводя глаз от объекта наблюдения. – Все бывшие советские бухают вдали от дома, хоть мусульмане, хоть атеисты. Так, записывай!

Молодой человек наклонился к клавиатуре.

– Пиши, ровно в двенадцать объект Анчар покинул квартиру Шика и поймал такси. Передаем наблюдение.

Окрестности Бенгази. Ливия. 16 февраля

Распластанный в небе, словно летучая мышь, беспилотный разведчик Predator совершил еще один, уже, наверно, тысячный круг над пустынным шоссе, прежде чем засек движение. Три автомобиля, одинаковые пикапы «Тойота-Тундра», окрашенные в бурый пустынный камуфляж, приближались к городу с южной стороны.

– Йорк, Йорк... Драгун на подходе!

Голос оператора БПЛА заставил сидящего напротив монитора длинноносого и худого офицера вздохнуть с облегчением.

– Принял!

Полковник Тэйлор Бенсон отхлебнул кофе, отставил кружку и, вытащив сигарету, вышел на плоскую крышу дома. Чем хороши плоские крыши – удобно выходить покурить.

Бенгази спал тревожным нездоровым сном, готовым в любой момент взорваться взрывами и стрельбой. Уже больше года, как свергли тирана, но обстановка лучше не становится. Местный городской совет – марионетки, за которыми стоят бандиты, племенные вожди и откровенные исламисты. Вот такая публика, захватив власть, бросилась делить единственное богатство этой пустынной земли – нефть.

Но на нефть претендовали и другие. Из тех стран, что помогли ливийцам сбросить власть тирана Муамара Хаттафи. Ведь ополченцы, рассекающие по пустыням на джипах под крики «Аллах акбар» перед объективами телекамер, – только массовка. Основную тяжесть боев с правительственными войсками выдержали специальные подразделения Франции и Великобритании. Они выбивали снайперским огнем ливийских офицеров, наводили на позиции авиацию многонациональных сил, наносили неожиданные удары по штабам и колоннам, затем растворяясь в пустыне, словно злобные джинны. Несмотря на крики левых, США, увязнув в Ираке и Афганистане, свое участие в ливийской кампании ограничили двумя десятками самолетов и несколькими кораблями. Основную тяжесть кампании несли французы и англичане, справедливо рассчитывая на преференции после победы.

Едва свергли Хаттафи, как между союзниками начались трения, переросшие в мелкие, но громкие свары, затем, спустя полгода, началась натуральная «холодная война». Ход конем, как обычно, сделал Лондон. Киренаика, заручившись поддержкой Великобритании, объявила о своей автономии, наложив лапу на основные нефтяные месторождения. Париж, оторопев от такой наглости, не нашел ничего лучшего, как науськать на Киренаику племенных вождей Триполитании и отправить к берегам Ливии эскадру. Президент Салази открыто заявил, что «раскол Ливии» недопустим. Англичане в долгу не остались и отправили в Бенгази эскадру из пяти вымпелов во главе с флагманом-вертолетоносцем Royal Navy «Оушен» L-12, фрегатов «Монтроз» и «Вестминстер», эсминца «Даринг» и тральщика «Броксбери». Помимо кораблей для поддержки верных короне бедуинов перебросили: 40-й батальон Королевской морской пехоты и отряд «А» из состава SFSG¹. «Коммандос» взяли под контроль акваторию нефтеналивного порта, парни из SFSG майора Алекса Шорта занялись силовой поддержкой местных феодалов. Обычно этим занимается 22-й полк САС, но сейчас все наличные силы были задействованы в Афганистане и Ираке, и в ливийскую пустыню отправились бойцы Драгуна, то есть Алекса Шорта.

---

¹ SFSG – Special Forces Support Group – группа поддержки специальных операций, новое подразделение силой до батальона, легкая пехота, предназначенная для поддержки спецназа SAS или SBS на враждебной территории. По вооружению и задачам – аналог рейнджеров армии США. – *Здесь и далее примеч. автора.*

Полковник Бенсон лично встретил уставших и запыленных солдат Шорта, пожав каждому руку, когда машины, одна за другой, заехали в обширный двор, окруженный высоким забором из шлакоблоков.

– Как все прошло, Алекс?

Шорт устало махнул рукой.

– Все отлично, сэр. Нанятый лягушатниками самозванный шейх Нассер со своими родичами вряд ли сможет выполнить возложенные на него задачи.

– Источник дал верную информацию?

– На сто процентов, сэр. Мы их застали врасплох.

Драгун-Шорт был консерватором и не признавал никакой связи, даже зашифрованных каналов, во время боевых выходов в пустыню. «На кой черт, если французы могут расколоть их шифр в любой момент?» Начальство было крайне недовольно, но мирилось с этим из-за высокой эффективности действий Шорта.

– Кто-то остался? – деловито поинтересовался загорелый и тощий Бенсон.

– Так точно, сэр. У меня для разведки есть подарок. – И Шорт махнул рукой, подзывая солдат.

Из кузова последней «Тойоты» с пулевыми отверстиями на крыльях и кузове сержант Марвин Кэрролл с трудом выбросил какой-то мешок, перетянутый армейским ремнем. Из мешка торчали босые грязные ноги и раздавалось слабое мычание.

Поставив ногу на мешок, Шорт громко продекламировал:

– Сам шейх Хуссейн Нассер к вашим услугам. Живой и почти невредимый, если не считать того, что сержанты Кэрролл и Дэй пересчитали ему ребра.

Когда мешок наконец сняли, полковник разглядел в жирном, сильно избитом и хнычущем арабе того самого спецагента, отправленного французами в Киренаику для диверсий на нефтепроводах.

– И это дерьмо лягушатники отправили в наш тыл? – усмехнулся Драгун, брезгливо делая шаг назад.

– Сколько с ним еще было?

– Двенадцать уродцев... Никто даже пикнуть не успел. Взяли снаряжение отличное, сэр. Все американское. Взяли даже один «Баретт М 95», рации, приборы ночного видения. Зачем этим клоунам такая роскошь, непонятно. Обошлись бы китайскими «калашами»...

Полковник кивнул подошедшему лейтенанту Royal Marine:

– Финч, займитесь пленным. Отведите его в пятнадцатую комнату к капитану Эддингтону.

– Да, сэр!

– Шорт, вы и ваши люди отменно поработали. Отдыхайте и приводите себя в порядок. Завтра напишете отчет об операции. Удачи! – И полковник протянул Драгуну свою крепкую, узкую и сухую ладонь.

* * *

Алекс Шорт проснулся ближе к полудню, с наслаждением потянувшись на атласном постельном белье. После недели, проведенной в пустыне, это просто верх наслаждения. Отодрав голову от подушки, посмотрел на лежащие рядом часы. Без пятнадцати двенадцать... Пора вставать.

Душ, бритва и зубная щетка. Намыливая щеки, Алекс в очередной раз подумал о превратностях судьбы. Ему дважды отказывали в поступлении в 22-й полк Специальной авиационной службы. Несмотря на хорошие физические данные, он сыпался на психологических тестах. Ему не хватало выдержки. Оставалось только тянуть лямку в 1-м батальоне полка принцессы

Уэльской², пока он не узнал о формировании SFSG. Через три месяца, пройдя все необходимые тесты и изнурительные тренировки, Шорт был зачислен в вожделенные Силы специального назначения Соединенного Королевства³. В дверь едва слышно постучали.

– Майор Шорт. Сэр. Вас срочно вызывает полковник Бенсон, – услышал Алекс приглушенный голос лейтенанта Финча.

Критически осмотрев свою двухцветную физиономию: верх – темный от жгучего, даже в феврале, ливийского солнца, низ – светлый из-за только что сбритой бороды, майор Шорт надел чистый пустынный камуфляж и, засунув бордовый берет парашютиста за клапан на плече, вышел в коридор. Рабочий кабинет Бенсона находился этажом выше.

Полковник встретил его, стоя возле окна. Из-за плеча полковника Алекс видел солидный кусок синего ливийского неба. Полковник крепко пожал ему руку и предложил сесть.

– Как вам погода, Шорт?

– Отвратительно, сэр. По ночам – зуб на зуб не попадает, днем – ветер с песком с ног валит. Тяжело...

Полковник хмыкнул. Мол, какая молодежь слабенькая пошла, а все туда же, в Special Forces намыливается. Сам Бенсон начинал в Шотландской гвардии, первый раз убил врага, мелкого чернявого аргентинца, в далеком 1982 году, на богом и чертом забытых Фолклендских островах... Вот там погодка была – не приведи господь... А здесь – курорт. И ведь Шорт – лучший его офицер...

– С отчетом придется пока подождать, Алекс. С вами тут захотели встретиться какие-то люди.

Шорт округлил глаза.

– Какие люди, сэр?

– Важные люди, Драгун. Настолько важные, что даже меня не поставили в известность, когда из Лондона звонили.

«Значит, какая-то грязь запредельная», – подумал Шорт, не особо расстраиваясь. В конце концов, он сам рвался в спецназ, зная о темной стороне секретных операций.

В дверь снова постучали. В отличие от тихого постукивания лейтенанта Финча, сейчас в дверь ударили всего пару раз, но громко и решительно.

– Входите!

Дверь распахнулась, и в кабинет стремительно вошли двое: невысокий коренастый бригадный генерал и пожилой седовласый штатский.

Майор и полковник синхронно встали, приветствуя вошедшего генерала.

Когда генерал открыл рот, Шорт сразу узнал этот скрипучий, словно ржавые дверные петли, голос. Перед ним стоял сам Питон. С таким позывным в Афганистане работал тогда еще полковник Итан Крэддок, командир Task Force 123 – отряда ISAF⁴, созданного из британских, канадских, американских и австралийских специальных подразделений для устранения лидеров талибана и «Аль-Каиды». TF-123 плотно работало с ЦРУ и Секретной службой, являясь своего рода наконечником копья Запада, приставленного к горлу исламистов. Помимо собственно Афганистана, бойцы Крэддока «отметились» в Ираке, Йемене и Пакистане, выслеживая и уничтожая наиболее опасных террористических главарей.

---

² Полк принцессы Уэльской – один из самых титулованных и старых полков Великобритании. Ведет свою историю с 1662 года. В 1992 году был объединен с Гемпширским пехотным полком и получил имя в честь принцессы Дианы. Полное название – Королевский полк принцессы Уэльской (Princess of Wales's Royal Regiment).

³ Силы специального назначения Соединенного Королевства (United Kingdom Special Forces, UKSF) – образованы в 1987 году. Во главе специальных сил стоит директор DSF в чине генерал-майора. Включают в себя 22-й полк SAS, специальную лодочную службу SBS, группу поддержки специальных операций SFGS, SRR – специальный полк разведки, Объединенное авиакрыло специального назначения JSFAW и 18-й полк связи.

⁴ ISAF (International Security Assistance Force) – Международные силы содействия безопасности, так называется контингент стран НАТО и их союзников в Афганистане.

Полковник Бенсон деликатно уступил свое место бригадному генералу и, не говоря ни слова, вышел из кабинета, плотно прикрыв за собой дверь. Это еще больше убедило Шорта в важности предстоящего разговора. Тем временем пожилой джентльмен осмотрелся, пододвинул стул и сел, внимательно рассматривая Алекса.

Питон-Крэдок был не из тех людей, что тянут кота за хвост, начиная разговор издалека. Сразу рубанул короткой фразой:

– Что, Драгун, скажешь о генерале Старке?

Шорт поиграл желваками.

– Сэр, что мне сказать о человеке, который дважды спас мне жизнь?.. Под Басрой в две тысячи третьем... Это был лучший солдат ее величества...

– А что скажешь о его смерти? – спросил Питон, не отрывая глаз от лица Шорта.

– Зверство, сэр. Русские повесили его. Это отвратительно!

– А если честно, Драгун?

– Мне было стыдно от собственного бессилия, сэр. И бессилия моей страны...

Алексу был неприятен и этот разговор, и циничные вопросы Крэдока.

Покосившись на штатского, Крэдок закинул руки за голову и энергично покрутил шеей.

И через секунду ошарашил Шорта вопросом:

– Хочешь поквитаться с русскими за своего командира?

Алекс моргнул. Потом еще раз. Секунды тянулись, как кадры замедленной кино съемки.

– Да, сэр. Без сомнения, сэр. Готов.

– Другого ответа не ожидал, Шорт, – проскрипел Крэдок. – Надеюсь, вам не надо объяснять степень и уровень секретности информации, которая сейчас будет доведена до вас?

– Так точно!

Питон чуть кивнул, и рот открыл доселе молчавший словно рыба штатский:

– Вам не одному было стыдно, майор. Теперь ответьте мне на один вопрос. Что вы знаете о Кавказе?

Шорт задумался: «Кавказ... Кавказ...» – и бодро дал ответ:

– Бывший советский регион, после распада СССР обретший независимость. Рассечен Кавказским хребтом на две части. Так называемое Закавказье, или Южный Кавказ, получил независимость. Там образовалось две, нет, три страны: Грузия, Азербайджан, Армения. Северный Кавказ русские удерживали до последнего времени, но потом отгородились от него линией укреплений. Там проживает множество народов, и русские умело их натравливают друг на друга, удерживая контроль над регионом.

– Что же, неплохо, неплохо по нынешним временам, – процедил штатский. – Еще вопрос: что вы думаете о русских и их боеспособности?

– Думаю, их элитные части специального назначения вооружены и обучены не хуже нас. А именно такие части и действуют на Кавказе, уничтожая нелояльных Москве племенных вождей. Действуют прямо как мы в Афганистане или Ираке... К тому же русские опираются на полную поддержку большинства своего населения. В этом они нас, безусловно, сильнее.

– И последний вопрос: что вы думаете о местных силах сопротивления?

– Они хорошие природные воины. Типа наших гуркхов, но расколоты по племенному признаку. К тому же почти не осталось опытных бойцов. После событий четырехлетней давности движение сопротивления обескровлено. Эффективность действий крайне низка...

– Блестяще! – заметил штатский. – Вы не только отличный солдат, Шорт, но и держите руку на пульсе мировых событий. Задумывались о судьбе Старка, майор?

– Было такое. Но не о судьбе...

– О мести? – улыбнулся штатский и представился: – Джейкоб Меллис. Специалист по русским и России. Будем работать вместе.

Он протянул руку, Шорт крепко ее пожал.

– Слушайте, Драгун, внимательно. – Питон резко встал и расправил плечи. – Вам в течение трех суток надо подобрать восемь человек из состава отряда «А» SFSG. Вы будете девятым. Техническую и оперативную поддержку вам окажут специалисты полковника Кенетта из специального полка разведки⁵. Подбирайте наиболее опытные и подготовленные кадры, майор. От этого, как вы понимаете, зависит успех мероприятия и ваша жизнь. Бригадный генерал Старк очень дорого заплатил за непрофессионализм некоторых исполнителей. Ровно через трое суток я с вами свяжусь. После этого в дело вступает операция прикрытия. Вы и отобранные вами люди должны официально числиться погибшими. Для всех вы погибнете, разбившись на вертолете в песчаную бурю. После своих торжественных похорон вы будете переброшены на тренировочную базу. Там встретитесь с... – генерал замялся, затем продолжил: – С союзниками...

Алекс Шорт помолчал. Игра должна быть опасной. Смертельно опасной...

– Два вопроса, сэр.

– Задавайте, майор.

– Почему мы, а не SAS?

За генерала неожиданно ответил Меллис:

– Потому что, мой друг, есть вероятность того, что среди оперативников SAS находятся русские агенты. SAS – всегда на виду. Поэтому решили задействовать новые подразделения специальных сил. Меньше вероятность утечки информации к противнику.

«Охренеть! Даже SAS не доверяют. Чудеса, да и только!»

– Что это за союзники, сэр?

На этот раз ответил сам Питон:

– Скажем так, Драгун. Наши союзники – это те, у кого русские отняли самое дорогое. У кого семью, у кого единственного наследника престола. Вам это понятно?

В голове Шорта словно щелкнуло: «Семью и наследника престола! Бахрам Аль-Саид!» Племянник султана Омана, которому оторвало голову заминированным телефоном Vertu на Лазурном Берегу. Что это сделали русские, мало кто сомневался. Сам султан – давний и верный союзник Великобритании. Да, это настоящий союзник – где личная ненависть замешана, там предательство исключено. Уже плюс...

---

⁵ Специальный полк разведки – Special Reconnaissance Regiment or SRR. Сформирован в 2005 году в составе Королевских вооруженных сил, полк для ведения агентурной, технической разведки, разведки наружного и скрытого наблюдения в интересах сил специального назначения. Численный состав полка, его структура, организация, методы работы и прочее – один из самых больших секретов сегодняшней Великобритании.

Махачкала. Дагестанский союз. 20 марта

Улица Портовое шоссе, в народе известная как Портшоссе, тянется по самому центру Махачкалы, захватывая городской сад, гостиницу «Каспий», и упирается в порт Махачкалы и железнодорожную станцию, постепенно переходя в улицу Эмирова и проспект Мирзабекова.

Харон, честно говоря, не знал, что здесь было раньше, скорее всего, какое-то предприятие, но теперь здесь раскинулся огромный стихийный рынок «Портовый». Вдоль шоссе, насколько хватало глаз, стояли грузовики с откинутыми бортами, небольшие фургоны типа «Газели», с которых шла бойкая торговля. Вокруг толпился народ, в основном женщины, неохватные тетки в черных платках и с клетчатыми сумками «мечта оккупанта», раздавались крики зазывал и гомон покупателей. Частенько, сунув руки в карманы, через толпу горлающих теток пробирались парни и мужчины, выскивающие свой товар – запчасти для машин, «железо» для компьютеров, фильмы с «клубничкой», патроны или стволы. Изредка толпу пререживали отчаянно гудящие грузовики с товаром, рейсовые автобусы или легковушки. То и дело, крутя головой и многозначительно поглаживая цевье поцарапанных «калашей», проходили боевики Центрального полка патрульно-постовой службы МВД в наспех подогнанном милицейском камуфляже старого образца.

«Вот павлины!» – с легким раздражением подумал Харон, исподволь рассматривая напыщенных боевиков. Джамбулат Рамазанов, бывший директор махачкалинского порта, пять лет назад быстро сориентировался в ситуации «нежданной независимости» и, опираясь на свою портовую службу безопасности и двух братьев, сотрудников МВД Дагестана, тут же начал выстраивать свою бизнес-империю. Для начала, после короткой, но кровавой войны с конкурентами, ему удалось подмять под себя железнодорожную станцию, объединив морской и наземный транзиты в своих руках. Первый конфликт стоил жизни его брату Аслану, взорванному в собственном «Хаммере» у него на глазах. Но Джамбулат и не думал отступать, продолжая давить конкурентов и расширять свои владения. Теперь, спустя почти восемь лет, господин Рамазанов полностью контролировал центр города. Ему было плевать, кто торгует на его территории – кумыки, аварцы, даргинцы, лезгины, аккинцы или табасаранцы. Главное, чтобы исправно вносили арендную плату за место и не устраивали перестрелок. Ему было плевать, кто ваххабит, кто язычник, а кто вообще иудей. Религия разъединяет, бизнес объединяет.

Через владения Рамазанова теперь проходило до половины грузов, идущих в республику, и он по праву мог считать себя самым влиятельным и богатым человеком в Дагестане. Своих боевиков он включил в систему республиканского МВД, приписав их к специально сформированному полку ППС. Помимо официальной «милиции» была еще служба безопасности порта, выполняющая функции разведки и контрразведки, и даже несколько катеров, патрулирующих акваторию махачкалинского порта. Даже у русских, охранявших Терско-Кизлярскую линию, Джамбулат был в чести. Откровенным криминалом он не занимался, наркотиками и рабами не торговал, старался играть по правилам. Наиболее «отмороженные» исламисты хотели пару раз отправить его к Аллаху, обвиняя в сотрудничестве с неверными, но каждый раз нападавшие гибли, а Рамазанов выживал. С такими деньгами можно купить даже самого «отмороженного» муллу, который сдаст соратников по газавату.

– Батарейки, аккумуляторы к мобильным, флэш-карты, аксессуары! – заорал Мурад, подражая соседским зазывалам. – Хороший товар, налетай, разбирай! Эй, красотка, смотри, какой чехол для твоего мобильника...

Мурад Гарданов был в своей стихии. Товар, благодаря его длинному языку разлетался мгновенно, торговля шла бойко. Чем больше продаешь и больше болтаешь, тем меньше вероятность того, что кто-то заподозрит в тебе чужака.

Группа Харона уже пятый день толкалась на Портшоссе и окрестностях, приюхиваясь и присматриваясь. По данным агентуры, со дня на день именно здесь, во владениях Рамазанова, в одном из прибрежных ресторанчиков состоится сходка ваххабитских боевиков. Да не простых. Чуть ли не сам неуловимый Анчар вернулся на Кавказ и собирается на ней присутствовать.

* * *

– Что, Рамазанов в край охренел? – Полковник национальной безопасности Воронков, седой и кряжистый мужик, недоверчиво повел крупной головой.

– Не верю, господа, ох не верю... У него и так все кучеряво, зачем ему эта шваль нужна? Он даже четыре года назад, когда все это отребье на европейское бабло вооружалось, сидел тихо. Сейчас-то ему зачем себе жизнь портить?

– Вопрос, конечно, интересный. – Глава РОШ генерал-майор Стасов задумчиво потер пальцем щетину на подбородке. – Что скажете, Титов? Вот «контора» вашу версию под сомнение ставит. Да и меня вы, честно говоря, не убедили.

Титов – начальник разведки 16-го армейского корпуса, в зоне ответственности которого был Терско-Кизлярский особый район, недовольно сморщил крупный нос.

– Информация проверенная. Тот же источник – Свирель, из близкого окружения Рамазанова. Он никогда не подводил.

– Помню такого, – кивнул Стасов. – Источник действительно надежный, Вадим Павлович. Только два вопроса. На хрена это Рамазанову и какого черта Анчар сюда снова вернулся?

Ранее молчавший полковник Горбачев из внутренних войск, представляющий здесь МВД, отпил чая и, крякнув, сказал:

– А если его заставили? Рамазанова?

– Кто? Кто может заставить человека, у которого почти три тысячи стволов?

– Не знаю. Но я знаю Рамазанова. Это такая хитрая и осторожная тварь, что рисковать не будет, факт. Если информация коллег из ГРУ верна, значит, на него как-то надавили. Причем надавили очень влиятельные люди. Те же, кто заставил сюда вернуться Дикаева...

– Если это правда, – вновь повторил Воронков. – У нас пока информация только из одного источника, от Свирели...

– Кто же виноват, Сергей Сергеич, что ваша агентура вообще работать не желает? – поддел конкурента Титов.

Метнув на армейского разведчика негодующий взгляд, Воронков продолжил:

– Данные надо проверить. Причем проверить тщательно. Я запрошу Москву. Пусть присылают «призраков». Иначе подобраться поближе к объекту мы не сможем.

Стасов усмехнулся.

– Сергей Сергеич, зачем Москву-то дергать? Вдруг это действительно пустышка? Тем более и у Титова или Горбачева люди есть не хуже «призраков». Уж наружное-то наблюдение и контроль с воздуха мы сами обеспечим.

Совершенно неожиданно Титов поддержал своего извечного конкурента, чекиста Воронкова.

– Здесь коллега прав, господин генерал. У нас есть надежные люди, но они могут быть уже засвечены в акциях возмездия. Вероятность небольшая, но рисковать не стоит. Я работал с «призраками» пару раз. Они молодцы, могут просочиться и в замочную скважину.

– Стоит ли игра свеч? – Стасов внимательно оглядел присутствующих.

– Еще как стоит. Вряд ли Анчар прибыл один. Есть возможность накрыть целую компанию этих улюдков. А если возьмем живьем... – мечтательно протянул Титов.

– Даже не думай, полковник! – отрезал Стасов. – «Наружка» цель идентифицирует, нанесем авиационный удар. Все к хренам собачьим, в щепки!

– Вместе с документами и ноутбуками! – закончил за генерала Горбачев. – Нет уж, господин генерал. Такую публику, если будет возможно, надо живой брать.

– Солдат на верную смерть отправлять?! Там же осиное гнездо. И каждый абрек со стволом. Малейшая заминка – и все, против них весь город...

Стасов, в отличие от всех присутствующих, в разведке и специальных операциях мыслил слабо. Бывший командир десантно-штурмовой бригады, специалист по захвату и удержанию плацдармов. Кирпичи крушить и лбом стенку пробить – это всегда пожалуйста, но от изящества далеко.

– Господин генерал! – спокойно сказал Воронков. – Полковник Горбачев прав. Если представляется такая возможность, надо брать. Или захватить документы и средства связи.

– Какая возможность, Воронков? «Вымпел» туда отправлять?

– Лучше «дельфинов». – Титов ткнул пальцем в экран. – Это же побережье. У нас, не забывайте, их дежурная группа на вахтовой основе в Святом Кресте сидит. Если из-за «призраков» не надо Москву дергать, то о «дельфинах» поговорить надо.

Стасов поглядел туда, куда указывал палец армейского разведчика.

– Да, с моря как-то сподручней. Выскочили, дело сделали и обратно ушли. И погони не будет. Хорошо, господа, ваша взяла. Будем «чертей» с моря брать. У флота – свои заморочки, как и у УСО. Но связи у меня нет. Решим проблему.

* * *

– Они клюнули! – Шик оторвался от бинокля и повернулся к одетому в форму местной милиции Алексу. Англичанин смотрелся в чужом обмундировании весьма органично, а светлые волосы, вытянутое лицо и нос с горбинкой даже придавали его облику легкий налет горского аристократизма. Не хватало только коня, папахи и бурки для полного антуража.

Переводчик, молодая лезгинка Мадина, с закрытым никабом лицом, быстро перевела англичанину слова Фариды, стрельнув зелеными глазами.

«Вот проститутка. Вроде в наморднике, а все туда же, умудряется глазками стрелять», – подумал Шик и усмехнулся. Строй халифат, не строй, все равно получается смесь базара и борделя.

Англичанин кивнул и обратился к Фариду на арабском:

– Вы заметили снайпера на крыше вон той закуской?

– Конечно. Я даже засек, что у него укороченная СВД в десантном варианте. С глушителем и ночным прицелом.

Англичанин снова кивнул. Они вообще были неразговорчивые, эти выходцы из туманного Альбиона. Драгун привез с собой десять человек: восемь англичан и двух арабов из какого-то крутого арабского спецназа. У арабов, как выразился заместитель Драгуна, первый лейтенант Уэйн Нолан с позывным «Волшебник», была «боевая практика» перед каким-то важным заданием.

– Как эфир?

– Засорен, – ответил Нолан. В отличие от Драгуна лейтенант говорил по-арабски с сильным акцентом и страшно этого стеснялся. – Но пока ничего интересного.

Фарид пожал плечами и спустился в подвал. Здесь их штаб, склад и оперативная база. Капкан для русского спецназа. Задумано рискованно: ведь русские, получив информацию от двойного агента, могут вызвать бомбардировщик или вертолет и смешать дом с землей, вместе с обитателями. Все рассчитано на то, что русские соблазнятся взять Анчара живьем.

Именно Фарид настоял на том, что ловушку лучше делать прямо на объекте, а не в соседних строениях.

– «Русню» будет страховать спецназ. Будет или группа поддержки, или воздушное прикрытие. Увидев угрозу группе захвата, их командование тут же нанесет огневой удар. Но если мы встретим русских внутри объекта, то они не станут наводить управляемые ракеты на объект, где находятся свои. Никогда.

– Кто нам будет противостоят? Ваше мнение...

– Судя по добыче, которая их ждет, – Шик покосился на Дикаева, – отправят элиту: «Вымпел» или «Сапсан»...

– Я бы отправил «лодочников»! – задумчиво ответил англичанин. – Море рядом, рукой подать. И уходить проще...

Фарид еще раз посмотрел в окно на шумную улицу.

– Вы правы, мистер Драгун! Аллахом клянусь!.. У русских есть боевые пловцы. Здесь, на Каспии. Форт Святой Владимир, там их база...

– Ай шайтан! – один из боевиков Дикаева – младший командир, что-то типа десятника, – которому разрешили поучаствовать в совещании, потерял густую бороду.

– Что, Абу? – скинулся Анчар. – Знаешь их?

– Эх... знаю, господин. Они три месяца назад груз Хуссейна Слепого перехватили в Дербенте. Ночью из моря вышли, как черти, все в черном, костюмы блестят. У Хуссейна была охрана из бывших ахмадовцев – надежные люди. Да еще продавцы вооружены были, все шестеро. Так их всех положили, прямо там, возле пляжа, вместе со Слепым. И почти никто из них выстрелить не успел. А в людях Слепого, в каждом, по десятку дырок настрочили зараз.

– Сам видел, что ли? – спросил Шик.

– Трупы видел, – невозмутимо ответил боевик. – И следы к морю видел.

Драгун глотнул чая и подошел к карте.

– Да, место мы выбрали удачное. Придут они по земле или по морю, деваться им некуда.

Пора их женщинам надевать траур.

* * *

– Кофе будешь, Харон? – Тихий голос отвлек его от наблюдения за окрестностями. Рядом, присев на запасное колесо и протягивая ему термос, оказалась Нафиса. Харон долго смотрел на ее аккуратную руку с длинными пальчиками и думал, что нет в природе ничего более совершенного, чем эта маленькая рука.

Нафисе Марьяновой, как и другим бойцам специальной группы «Призрак», пришлось хлебнуть горя полной чашей, другие в эту группу не попадали.

История Нафисы простая и страшная одновременно. Девочка, тогда еще студентка сельскохозяйственной академии, взяла да влюбилась. Все бы ничего, но она влюбилась в русского. Рослого и веселого, похожего на белого медвежонка старшего лейтенанта – пограничника Олега Марьянова. Отец, узнав об этом, так избил ее, что она две недели не могла выходить из дома, отлеживалась и ждала, чтобы синяки сошли. Недолго думая, родня решила срочно сыграть свадьбу, подыскивая жениха подальше от города, чтобы «дурь городскую из ее башки выбил». В итоге нашли жениха из числа родственников, живущих высоко в горах. Жених был на десять лет старше, сильно хромал из-за травмы, полученной в детстве, и слегка «не дружил» с головой. К тому же был ассенизатором. Свадьбу наметили через три месяца, постоянно держа Нафису под присмотром сестер и братьев и отобрав мобильный телефон. Но она один раз позвонила. И этого было Олегу достаточно.

За два дня до свадьбы при походе на рынок Олег, оттолкнув ее брата, похитил Нафису, затасив в свою «десятку» со свинченными номерами. Свадьбу, но уже с Олегом, она сыграла, и все было хорошо... Кроме одного. Отец поклялся убить ее, «как шлюху, опозорившую род».

Сначала Нафиса испугалась, но потом поняла, что это пустые угрозы. Олег всегда был рядом, всегда держал ее за руку и всегда носил с собой оружие. Такой большой и сильный...

Страшно стало, когда стали огораживать Кавказ стеной, и вся республика в один день восстала против «русского гнета». Бои вокруг городка, где были расквартированы пограничники, страшные бои, доходившие до рукопашных, шли две недели. Пока под градом авиабомб и крупнокалиберных снарядов исламисты не убрались в горы зализывать раны.

Потом наступило относительное затишье, и вскоре Нафиса поняла, что их стало не двое, а уже трое. Когда она сказала об этом Олегу, тот засмеялся, схватил ее на руки и долго кружил

по маленькой комнате, а она кричала: «Дурак, поставь нас на пол!» – и крепко обнимала его за шею.

Олега убили на ее глазах спустя два месяца, в апреле. Они уже выбирались из пропахшего кровью, ложью и ненавистью Дагестана, муж получил новое назначение на финскую границу в пограничную комендатуру. Они уже собрали вещи, когда она вспомнила, что забыла купить новую косметичку. Старая вся облезла... Олег шел чуть сзади, не отпуская жену далеко от себя.

Молодой человек, почти мальчишка, с редкой бороденкой и оловянными глазами, появился внезапно, выскочив откуда-то сбоку. Заорав «Аллах акбар!», он вскинул потертый «ТТ» и стал с двух метров всаживать пули, одну за другой, в широкую спину Олега... Еще через две недели у Нафисы случился выкидыш от нервного потрясения, и пожилой гинеколог сказал, что детей у нее никогда не будет...

Олег был сиротой и вырос в детском доме. Своя семья желала Нафисе только смерти, и возвращаться ей было некуда. Все дороги ведут в Москву, и, собрав пожитки, потемневшая от горя и постаревшая до седых прядей девушка оказалась в столице.

Вы знаете, о чем думает и мечтает женщина, у которой в один момент отобрали самое дорогое? Правильно, она мечтает о мести, сладостно, словно дитя, лелея свою ненависть. Как говорится, не бойтесь ядерной войны, бойтесь женской мести.

Едва оказавшись в мегаполисе, Нафиса попыталась устроиться на работу в полицию. Посмотрев документы, ее отправили обратно, покрутив пальцем у виска.

«Нам здесь еще чурок не хватало», – деловито сказал кадровик, указывая на дверь. Но через три дня ей позвонили. Сильный, с железными нотками голос предложил ей встретиться в чайхане на Волгоградском проспекте.

Человек, представившийся просто Петром, задал ей несколько вопросов, внимательно следя за реакцией. Потом дал визитку с адресом в самом центре Москвы.

– Медосмотр! – коротко сказал Петр, собираясь выходить.

– А что, вам нужны чурки? – тихо спросила Нафиса.

– Именно чурки нам и нужны, – не поведя бровью, ответил Петр. – И не опаздывайте, Нафиса.

Помимо медосмотра были психологические тесты, детектор лжи, снова медосмотр и снова тесты. Потом долгие месяцы изнуряющих тренировок и занятий по восточным языкам. Из двадцати девушек со схожей судьбой через полгода осталось девять, а еще через год – четверо. Нафиса занималась иступленно, словно одержимая, выплескивая свои эмоции в тире, гимнастическом зале или на татами. Через два года она, первая из девушек, была зачислена в группу «Призрак». Цели у группы были простые: выслеживать и уничтожать лидеров исламского подполья на Кавказе, Ближнем Востоке и Средней Азии. И для этого требовались преданные люди из этих регионов. Или полукровки от смешанных браков. Главное, они должны искренне ненавидеть всю ту дикость, то варварство, что несет в себе радикальный ислам. Ненавидеть исламские порядки, образ жизни и все, что с этим связано. Но знать это изнутри. Раствориться в серой массе двуногих зверей и уничтожать их, уничтожать, стравливая друг с другом, убивать лидеров и проповедников, не давая объединиться.

Харона перевели на Кавказ совсем недавно. В Европе и США работы пока не было, а опыт требовалось передавать.

– Сам не лезь, ты – инструктор, прежде всего! Натаскивай их, но сам наблюдай, – напутствовало начальство, но Харон уже знал, что лезть будет. Он – оперативник Управления специальных операций ГРУ, а не кабинетный хомяк.

Так они и встретились. Инструктор-боевик с длинным списком успешных ликвидаций и стальными нервами и темненькая девушка с выжженной горем и ненавистью душой и красивыми глазами. Такого у Харона никогда не было. Это была даже не искра, а скорее разряд...

Да и у Нафисы – то же. Встречались они тайно, часами не выпуская друг друга из объятий на смятом белье дешевых гостиничных номеров.

– Так будешь кофе? – повторила Нафиса, кутаясь в теплую шаль.

– Давай, – протянул руку Харон. В этот момент ожил наушник. Поступил сигнал от оператора кружащего в небе беспилотника.

– Опора, это Сокол. Две движущиеся цели с юга. Похоже на клиентов.

– Принял.

– Камыш. Прием.

– Прием, Опора.

– Две цели к югу. Контроль.

Камыш – это наблюдатель Пашка Кориков на высокой точке, крыше ресторанчика. Если что, не только наблюдатель, но и снайпер.

– Что, Харон? – Нафиса смотрела ему прямо в глаза.

– Похоже, они. Мурад, давай, темпа не снижай. Ори громче, зазывала. А мы с Нафисой пойдем пожрать возьмем. Заодно посмотрим на клиентов поближе.

Нафиса накинула никаб на лицо, запахнула шаль и засеменила к лавке, где жарили кебабы. Прямо как верная жена. Следом неторопливо и солидно вышагивал Харон, как и положено серьезному торговцу.

* * *

– Есть сигнал! – один из англичан, сержант, снял наушники. – Они проявили себя.

– Отлично! Анчар, ваши люди готовы?

– Готовы.

Алекс Шорт жестом подозвал Кэролла.

– Русский напротив, прямо на крыше закусочной. У тебя будет не больше минуты, чтобы занять выгодную позицию, пока он будет глазеть на машины. И не забывай: скорее всего, они следят за объектом с БПЛА.

– Сделаю, Драгун.

– Отлично, Генри, работай! – майор хлопнул сержанта по плечу.

Генри Кэролл, позывной «Гадюка», неторопливо взял громоздкий «баретт М95», затем свернутую теплоизолирующую серую накидку. И, насвистывая мотивчик, стал подниматься по скрипучей лестнице наверх.

«У Гадюки, конечно, железные яйца, а меня что-то трясет», – подумал Шорт, глядя в спину сержанту.

* * *

В пяти милях от берега, в серой вечерней дымке, заглушив двигатели, дрейфовали два катера сине-серого пятнистого окраса. Несмотря на свое типично русское название «Чайка», родословная дрейфовавших катеров шла от шведских СВ90, скоростных штурмовых кораблей. Их клепали по недавно купленной лицензии для сил ОВР, но вскоре катера заинтересовали командира «дельфинов» кап-раз Нечаева, и десять «Чаяк» оказались в распоряжении морского спецназа. В отличие от скандинавов или американцев, ставящих на свои assault boats исключительно пулеметы разных калибров, русские подошли к делу основательно, вооружив свои катера авиационными пушками. Стандартная «Чайка» несла по две ГШ-30-01. Еще и спецназовцы, идя на «охоту», устанавливали на крышу катера один, а то и два пулемета ГШГМ, прикрытых бронированными щитками.

– Водяной, это Сокол. Опора, цель идентифицирована. Прием.

– Понял, цель опознана, Сокол.

– Выдвигайтесь, Водяной.

Через несколько минут, оставляя за собой белоснежные буруны от «Чаяк», к берегу устремились две резиновые моторные лодки, забитые вооруженными людьми в масках. Двенадцать человек во главе с кап-два Рудольфом Афанасьевым.

Капитан-лейтенант Константин Сундуков – командир звена катеров, отправив спецназ заранее, приказал на самом малом ходу выдвигаться вперед:

– Сейчас еще не стемнело, если что, ребят поддержим огнем.

Перед операцией время будто останавливается, это Харон всегда замечал. Ты начинаешь чувствовать время, когда секунды, словно холодные капли, падают тебе на макушку.

– Камыш. Как объект?

– На месте, Опо...

– Черт, что такое? – Харон повернулся спиной к улице, пытаясь вызвать наблюдателя.

– Сокол, Камыш замолчал. Прием.

Оператор беспилотника сделал максимальное приближение к лежащему на крыше Корикову.

– Норма, Опора. Камыш на месте.

– И не отвечает, придурок!

Камыш не отвечал еще пять минут, и Харон понял, что весь план специальной операции летит к дьяволу.

– Сокол. Активность противника?

– Трое у входа в семидесяти метрах от тебя!

– Что-то не так! Сокол, где Водяной?

– Три минуты, Опора. На подходе.

Не успели лодки зашелестеть брюхом по гальке, как «дельфины», применив легкие штурмовые трапы, одним рывком преодолели бетонное ограждение набережной и оказались на рынке.

Торговцы и патрульные бородачи в ужасе шарахнулись в стороны, пропуская незваных гостей. Одного взгляда на темную униформу и угрожающие движения было достаточно, чтобы у самых бойких торговцев язык мгновенно присох к небу. Две группы по шесть человек, прикрывая друг друга, устремились вперед. Сто метров, пятьдесят метров...

– Сокол, перейди на тепловизор.

– Рано, Опора, еще светло...

– Выполняй!

Чертыхнувшись, оператор переключился на тепловизор.

– Как Камыш?

Ответ пришел на пару секунд позже, чем обычно. Именно пары секунд хватило оператору, чтобы сообразить, что наблюдатель, неподвижно лежащий на крыше закуской, безнадежно мертв. У живых тепловая сигнатура по-другому выглядит... Совсем по-другому...

– Опора, Камыш убит. Или ранен, но скорее убит...

Харон слышал, как дрожал голос оператора...

– Нолан, включай генератор помех! – приказал Шорт, присоединяя магазин к своему SCAR в штурмовом варианте.

– Сокол. Черт, твою мать, Сокол... – едва не заорал в скрытый микрофон Харон, пытаясь пробиться через шипение помех.

«Они глушат связь... глушат связь!»

Камыш убит, связь глушат. Значит, их ждут. Надо предупредить спецназ...

Харон резко обернулся, собираясь отдать приказ Мураду, как краем глаза увидел старую, неопределенного цвета в наступающих сумерках «девяносто девятую», катящуюся по направлению к ним. Окна открыты, бородастый скалящийся пассажир на заднем сиденье что-то держит в руках.

– Ложись! – Харон сбивает с ног Нафису на секунду раньше, чем по кузову их «Газели» хлестнул свинцовый град.

Мурад Гарданов, старший лейтенант ГРУ, принял на себя больше десяти пуль и погиб сразу, даже толком не поняв, что произошло.

Охранники-исламисты, торчавшие у железных ворот объекта, несмотря на солидный боевой опыт, даже не поняли, откуда пришла смерть. Фигуры в черных комбинезонах выросли в десятке метров от них, буквально прорезав ряды торговцев. Только один из охранников, одноглазый Лечо, успел вскинуть «АКМ», прежде чем восемь пуль, выпущенные с двух автоматов одновременно, выбили из него жизнь. Не успели трупы мешками повалиться на мостовую, как Водяной, кап-два Афанасьев, с раздражением выдернул наушник рации и жестом показал, что связи нет.

По любой инструкции, требовалось немедленно прервать операцию и уходить, но Рудольф Афанасьев служил в «дельфинах» шестой год и не собирался отступать. Цель была здесь, за железными воротами, рукой подать. Их двенадцать человек – лучшие бойцы русского флота, а в здании полтора-два десятка вонючих чабанов, сжимающих старые «калаши» в липких от страха ладонях.

– Держи периметр, Молот, – приказал он командиру второй группы капитан-лейтенанту Самсонову, делая шаг вперед. Его не остановила даже раздавшаяся слева на улице автоматная очередь. Молот со своим людьми прикроет.

– Аллах акбар! – заорал Анчар, нажимая на кнопку детонатора в тот момент, когда русские проникли в небольшой двор перед домом.

Капитан второго ранга Афанасьев так и не понял, что он убит. Просто все вокруг залил огонь, и земля встала на дыбы.

* * *

Следующим погиб Самсонов. Тяжелая пуля из «Баретт М95» пробилась его насквозь и отбросила спиной на капот ближайшей лавки на колесах. Не успело тело Молота упасть на землю, как, вслед за взрывом во дворе, вторую группу «дельфинов» накрыло ударной волной.

Оттолкнув подмятую под себя Нафису, Харон выхватил из заплечной кобуры «стечкин», хоть и неудобный, но убийственный, и, вскинув, всадил несколько пуль в «девяносто девятую». Головы водителя и пассажира с автоматом почти синхронно лопнули, машина потеряла управление и влетела в «УАЗ»-«буханку», с которого торговали женскими шмотками... Потом за углом что-то оглушительно грохнуло, и в небо взметнулся столб черного дыма, сопровождаемый яростным треском автоматных очередей и завываниями «Аллах акбар!».

* * *

Когда полковник Титов увидел эти кадры, транслируемые в штаб кружащим в небе БПЛА, на экране монитора, он едва не лишился дара речи.

– Пусть уходят, быстро! – заорал он на связиста. – Дежурное звено «Грачей» туда!

– Связи нет, господин полковник, – проблеял очкастый связист, опасливо глядя на полковника.

– Как нет? Ты что, охренел?! Да я тебя... под трибунал, сука, пойдешь! – задыхаясь, вопил Титов.

– Связь глушится! – За связиста-интеллигента вступился седой прапорщик. – Сплошные помехи, невозможно пробиться. Я такое только в Крыму встречал. Наводить некому, можем своих накрыть, не дай бог.

* * *

Вторую группу «дельфинов» спас излишне мощный заряд взрывчатки, заложенный Анчаром, детонация которого вызвала обрушение соседнего дома, сопровождаемого извержением огромного облака кирпичной пыли, на пару минут скрывшую от боевиков уцелевших

спецназовцев. Это дало короткую передышку, благодаря которой люди покойного Афанасьева успели укрыться за автомобилями и торговыми палатками и открыть ответный огонь.

* * *

– Пошли, Нафиса, уходим! – заорал Харон, протягивая к ней руку, но девушка отбросила ее, выхватывая маленький удобный «вальтер». Пистолет дважды «чихнул», и Харон увидел, как на асфальт повалились двое бородачей с автоматами, выскочивших из-за павильона.

Схватив Нафису в охапку и матерясь, Харон бросился вперед, туда, где отстреливались прижатые к земле «дельфины». Надо к ним пробиться и вместе уходить. Единственный, хоть и призрачный, шанс на спасение.

Через забор, едва ли не на голову Харону, приземлился молоденький боевик с «калашом». Боевик верещал что-то, захлебываясь яростью, и пытался стрелять, лихорадочно нажимая на курок. За спину он, естественно, не смотрел. Враги, ненавистные «русисты», были впереди, в сотне шагов. Одним ударом рукоятки «АПС» Харон перебил ему шейные позвонки и выхватил у мертвеца автомат.

– Следи за спиной! – приказал Харон Нафисе, выглядывая из-за угла и высматривая убегающие из кирпичной пыли фигурки.

Раз! Пуля врезалась в одного из боевиков, опрокинув его на спину. Два! Пулеметчик с перекошенным от ненависти лицом схватился за плечо и исчез из окна, бросив оружие.

Прячущийся метрах в семидесяти от Харона «дельфин» повернул в его сторону голову, а затем и «АК-103М» с пристегнутым барабанным магазином.

– Опора!!! – заорал Харон. – Свои!

– Водяной! – отозвался спецназовец. – Дуй сюда, прикрою! – И дал короткую очередь по абрекам.

* * *

Генри Кэрролл, Гадюка, уже убивший двоих русских, терпеливо ждал, скрывшись за кирпичной трубой дымохода, пока рассеется пыль и спецназ будет виден как на ладони. Укрытия в виде грузовиков и металлических палаток от пуль «Баретт М95» не спасают. Винтовка создавалась для того, чтобы поражать легкобронированные цели с дальней дистанции. Сейчас, еще минута – и все закончится. Никто из русских не доберется до ждущих их лодок...

* * *

– Командир, на них напали! – Мичман Радченко вызвал Сундукова, выбравшись на нос «Чайки». – Но подойти не сможем, там отмель! – Мичман кричал во всю глотку, пытаясь заметить неработающую рацию.

– По хрену отмель! Если я засяду, ты ребят подберешь и меня прикроешь! – отозвался Сундуков, отдавая приказы рулевому катера. – Главное, помочь им до лодок добраться.

«Чайки» не могли подойти ближе, мешал каменный парапет набережной и обширная каменистая отмель, примыкающая к берегу. Даже штурмовой катер может на брюхо сесть легко. Через пару минут «Чайка» Сундукова уже заскребла килем по дну, калеча корпус. Но противник оказался в зоне поражения бортового оружия. Сундуков припал к прицелу и, хищно улыбнувшись, нажал на гашетку. Оба орудия «ГШ-30-01» могли управляться синхронно, повинаясь легкому движению руки.

* * *

Кэрролл только прицелился в крайнего русского, ловко управляющегося с укороченным «печенегом», как к дому, где сидели Драгун и его ручные абреки, со стороны моря потянулись огненные нити. Через секунду до него донесся грохот автоматических пушек. Гадюка отлично знал возможности этого оружия – один тридцатимиллиметровый снаряд превращает человека в суповой набор. Руки – отдельно, ноги – отдельно, голова – отдельно. Через полминуты от дома, где засел Драгун, останется решето.

Резко повернувшись, Кэрролл припал к прицелу, быстро регулируя четкость изображения. Вот он, в прицел отлично был виден силуэт катера, плюющего огнем.

«На отмели застрял! Самое время!» Дистанция была предельная, еще и сильный боковой ветер, но деваться некуда. Тщательно прицелившись и задержав дыхание, Гадюка-Кэрролл плавно нажал на курок. Отдача ударила в плечо, но с катера все так же вели огонь. Не торопясь, Кэрролл снова прицелился и выстрелил. Потом еще раз. Только после третьего выстрела огонь с катера прекратился.

* * *

Анчар едва успел упасть на пол и прикрыть голову от обломков и каменной крошки, после того как по дому врзали из «ГШ-30-01». Двух англичан, вооруженных венгерскими модернизированными «АК», и трех бойцов джамаата, стрелявших из окон по «русистам», разорвало на части за считанные секунды. Кто-то визжал от страха, прося Аллаха помочь, кто-то ругался на чужом языке. Жить, по расчетам, ему осталось недолго, дай бог с минуту, пока болванки, летящие из «ГШ-30-01», не найдут его. Но неожиданно эти адские механизмы заткнулись. Вовремя...

Анчар вскочил и увидел, как русские, прикрывая друг друга, быстро пятятся к парапету набережной.

– Не дать им уйти! Не выпускать! Отрезать от набережной! – срывая голос, завизжал Анчар, пинками поднимая своих людей.

* * *

Нафиса упала, когда до спасительных качающихся на волнах лодок оставалось чуть больше тридцати шагов. Упала как подкошенная, широко разбросав руки. Когда Харон наклонился и перевернул ее на спину, она еще дышала.

– Солнце, Нафиска! Не умирай! Немного, еще совсем немного. – Подхватив ее враз потяжелевшее тело, Харон побежал к лодке. Шаг, два, три.

Что-то толкнуло его в спину, и он с разбега рухнул на гальку, разбив в кровь лицо. Нафиса смотрела на него и улыбалась. Улыбка так и застыла у нее на лице, даже когда ее глаза, самые красивые на свете темные глаза, стали изнутри покрываться ледяной коркой смерти. Он хотел протянуть к ней руку, но тело не слушалось. Последнее, что он помнил до того, как провалиться во тьму, это чей-то голос:

– Хватай парня. Он еще жив, а девчонка готова.

* * *

– Они вырвались, сэр.

Нолан только что вернулся с набережной, где уже шло настоящее народное гулянье. Пару обезображенных трупов убитых русских уже волокли по улице, привязав к старенькому «Фольксвагену». Вокруг них бесилась, забывшая страх, толпа местных, визжа от радости и стреляя в воздух.

– Сколько живых? И сколько убили?

– Человек шесть, включая одного полевого агента. Еще один труп в штатском, девушку бросили на берегу. Здесь семь трупов их «лодочников» плюс один труп в фургоне и один на крыше. Десять...

– Наши потери?

– Макферсон и Кирк. Из местных убито...

– Мне насрать на местных, Нолан. Я спрашивал про НАШИ потери...

– Да, сэр.

– Как со сборами?

– Еще час.

– Поторопитесь, Нолан. Чем быстрее мы отсюда исчезнем, тем больше шансов выжить. Что с русским штурмовым катером?

– Брошен на отмели. Хочу взять лодку, осмотреть.

– Действуйте. У вас – полчаса.

Майор подошел к окну. Толпа, растущая с каждой минутой, наконец вытащила на свет автомобильных фар тело убитой девушки и принялась срывать с нее одежду. После чего труп, уже основательно изувеченный, подвесили на фонарном столбе под свист и воинственные крики.

«Аллах акбар, Аллах акбар, Аллах акбар!» – надрывался невидимый оратор в мегафон, и толпа яростно скандировала заученную фразу, вскидывая вверх сжатые кулаки.

«Зверье. Натуральное зверье. Может, правильно с ними русские не церемонятся, давят, как клопов», – закралась в голову майору крамольная мысль, но он прогнал ее прочь и пошел в подвал, чтобы поторопить техников из спецразведки, демонтирующих аппаратуру подавления радиосигнала. Неожиданно дорогу ему преградил мрачный Анчар. Да не один, а вместе с переводчицей.

– Господин не знает, где Шик?

– Кто? – не сразу понял майор.

– Фарид где? Он не с вами?

– Нет. А что, он пропал?

Бросив на англичанина презрительный взгляд и не ответив, Анчар выскочил из дома. Майор посмотрел ему вслед.

– Анчар, не вздумайте шутить со мной! – остановил его Драгун. – Если ваш... кхм... партнер пропал, то я на вашем месте собрал бы все наличные силы и отправился на поиск. А не развлекался бы с трупами на набережной. Вы ставите всю операцию под удар.

Кавказец выругался на непонятном языке и, снова повернувшись спиной к майору, вышел на разбитый взрывом двор.

Шорт, посмотрев ему вслед, достал спутниковый телефон и набрал номер.

– Слушаю!

– Шик пропал! – тут же сказал майор собеседнику. – Возможно, дезертировал.

– Ему некуда деваться. Его найдут туземцы.

– А если – к русским?

– Исключено. Он их враг номер один, майор. Если он обратится к «умме», мы об этом узнаем раньше всех. Повторяю, ему деваться некуда.

– Понял, сэр. Еще вопрос.

– Да.

– Что делать с Анчаром? Русские попытаются захватить его в ближайшие дни, мстя за провал операции.

Собеседник помолчал чуть дольше обычного.

– Это не ваша забота. Выводите отряд с территории противника. Вот основная задача. У вас есть потери? Собственно, в группе.

– Да. Двое.

– Соболезную, майор. Выводите отряд. Немедленно.

Москва. Русь. 24 марта

Экстренное совещание на сей раз пришлось собирать не в Горках-9 и тем более не в поместье Завидово, а в Кремле.

Кремль, со своими зубчатыми стенами из красного кирпича, давящей роскошью и позолотой внутри, вызывал у Стрельченко сильнейшее раздражение. Вплоть до головной боли. Казалось, что Кремль – это сгусток какой-то темной, потусторонней энергии, высасывающий из него силы. Вроде и пентаграммы рубиновые сняли, и Мавзолей с мумией снесли, но гнетущая атмосфера осталась.

Обычно Стрельченко работал в загородной резиденции, но сегодня надо было встретиться с послами в Большом Кремлевском дворце, получить их верительные грамоты. Таков старинный ритуал для любого правителя, и не ему этот порядок нарушать. Даже если это ничтожные послы ничтожных государств, дипломатического этикета никто не отменял.

Глава Руси едва сдерживался, глядя на истекающих лестью послов. Улыбался в ответ, принимал их никчемные бумажки и говорил пафосные фразы о дружбе и сотрудничестве. Вот посол Лаоса, маленький, с крупными зубами. Вот сирийский посол преданно смотрит в глаза. С ним все понятно – скоро приползет просить в кредит оружие, пугая падением светского режима и построением очередного халифата. Вон там скалится посол Анголы. Неплохой мальчик, окончил наше Рязанское воздушно-десантное, дважды ранен в боях с УНИТА. С ним можно иметь дело, Ангола – богатая страна, и наши компании там прочно обосновались.

Наконец встреча с послами подошла к концу, и, оставив дипломатов на попечение главы своей администрации и одного из заместителей министра иностранных дел, Стрельченко вышел в небольшой коридор и свернул направо. Неразговорчивый человек в штатском из личной охраны, вскочив из-за небольшого столика, раскрыл перед ним высокие двери из карельской березы.

«Господи, здесь еще и ковровые дорожки малиново-зеленые...» – некстати подумал Стрелец, проходя в небольшой зал для экстренных совещаний.

Там его уже ждали. Шестеро весьма влиятельных на Руси людей. Министры обороны и внутренних дел, директор Службы национальной безопасности, начальник Генерального штаба и директор Службы специальной безопасности.

– Что по Махачкале? Причины провала? Докладывайте, Усольцев. – Стрелец сразу очертил контуры доклада.

Генерал армии Усольцев, одернув китель с четырьмя золотыми звездами на погонах, сказал:

– Причины провала просты. Спецназ ждали. Плюс заглушили связь. Полностью...

Стрельченко вскинул брови:

– Это как? Может, кто-то объяснит? Значит, чабаны теперь могут глушить связь наших специальных подразделений?

Слово взял специалист по вопросам связи и кибервойн, генерал-полковник Ляхов.

– Чабаны – не могут. Вероятный противник на уровне государств – в теории может. И то не каждый и – не сразу. К тому же эта аппаратура требует мест для монтажа. Насколько я понял, такого не было.

– Нет! – отрезал Николай Блинов, глава СНБ. – Это невозможно сделать незаметно... Да ее еще надо провезти мимо нашей агентуры.

– Но ведь провезли! – с нажимом сказал Стрелец.

Министр национальной обороны Седельников, покрутив обручальное кольцо на среднем пальце, сообщил:

– Есть и компактные постановщики помех. Небольшого размера, легко монтируются. Мы такие используем для глушения радиосигналов при прохождении колонн. Принцип действия, как у бортовой аппаратуры подавления радиовзрывателей фугасов.

– Это другое. Например...

– Почему другое? – неторопливо продолжил министр. – Можно ведь заглушить сигнал и с помощью похожего компактного устройства. Если иметь на руках коды частоты.

Министр внутренних дел и бывший опер московского РУБОП Сальников всегда сообщал быстрее всех.

– Ты хочешь сказать, что если они знают кодировку нашего сигнала, то глушить его можно даже с помощью простой аппаратуры?

Седельников кивнул.

– Да вы что?! – повысил голос Ляхов, защищая свою епархию. – Расколоть наши коды и шифры не может даже АНБ. С лучшими аналитиками и компьютерами. Извините, но это из разряда бреда...

– А при чем здесь АНБ и шифры? Речь идет о конкретных кодах в конкретной операции. Это ответственность РОШ Стасова. И в случае измены вполне может быть, – вставил свое слово директор СНБ Николай Блинов.

– Вам, Нацбезопасности, лишь бы изменников искать, – тихо сказал Усольцев. – А лучше бы работали с агентурой.

– Не Генштабу нас упрекать. Вы провалили операцию, ваши люди ее готовили. И подставили нашу спецгруппу.

– А что ваш Воронков при штабе Стасова? Что, для мебели?

Глава государства, послушав перепалку силовиков еще минут пять, легким хлопком по столу остановил ее. Потом встал и, пройдя вокруг стола, подошел к окну. Верный признак активной мыслительной работы.

– Действительно, господа, какая-то хреновина получается. Либо проспали под самым носом, либо измена. Лучше мне ответьте на вопрос: где эта тварь Дикаев скрывается? И что у нас творится, если какой-то Дикаев может нам такой «абзац» устроить?

Стрельченко резко повернулся к столу лицом:

– А если за Дикаевым кто-то стоит? Причем кто-то очень опасный? Наша разведка наводила весь Кавказ и Ближний Восток агентурой, и они ничего не заметили? Не верю ни разу. Найдите мне тех, кто это все устроил. Где бы они ни были...

Директор СНБ, секунду помедлив, сказал:

– У них было крупнокалиберное оружие. Скорее всего, «баретт». Сейчас эксперты над пулей работают, которой штурмовой катер обстреляли. Пуля сильно деформирована.

– Откуда пуля? Ведь катер бросили? – спросил Ляхов.

– Из капитан-лейтенанта Сундукова. Как он выжил, до сих пор непонятно. Но жив и выздоравливает.

– Чего раньше молчал, Блинов? – хмуро спросил Стрельченко.

– На руках официального отчета нет. Хотел дождаться бумаги от экспертов.

Стрелец махнул рукой:

– Идите, работайте. Формируйте целевую межведомственную группу при Особом комитете, как обычно. Через неделю, ровно в одиннадцать утра, отчет.

Едва силовики покинули зал заседаний, глава Руси прислонил лоб к холодному оконному стеклу. От происшествия на Портовом шоссе Махачкалы за версту веяло угрозой. Причем угрозой неясной, но уже осязаемой. Казалось, обычный теракт, спецназ угодил в засаду. Такое часто бывает, но глушение связи и высокий профессионализм террористов опровергали первоначальную версию. Словно кто-то пока ему неведомый уже начал свою игру, бросив на доску

игральные кости и сделав первую ставку. А сорвав банк, снова ушел в тень. До следующего броска с повышенной ставкой.

«Ничего, тварь. Я тебя на свет вытащу», – думал Стрелец, уперев кулаки в старомодное зеленое сукно стола.

Восточный Лондон. Великобритания. 27 марта

На сей раз встреча секретного комитета, даже не имеющего названия, происходила не в Челтнеме, а на восточной окраине лондонской агломерации, в штабе военной разведки DIS ее величества.

Нельзя сказать, что сэр маршал авиации Дуайт Николсон был радушным хозяином, скорее наоборот, но встреча впервые проходила в расширенном составе, и лучшего места, скрытого от глаз журналистов в черте Лондона, чем вотчина министерства обороны Великобритании, не найти.

Новичками на совещании были двое генералов, уже ознакомленных с докладом группы Лоутона. Только что назначенный директор UKSF генерал-майор Марк Хортон-Джонс и Питон – бригадир Итон Крэддок, прикрепленный к военной разведке.

Алистер Берк, уперев подбородок в ладони, внимательно наблюдал за присутствующими. Час назад директор ОКР вернулся из офиса премьер-министра Дэвида Ньюджента, где имел с ним долгий и обстоятельный разговор. Премьер был в ярости. Его трехдневное турне по континентальной Европе закончилось громким скандалом.

Посетив саммит Евросоюза в Турине, на котором, как и последние шесть лет, рассматривались одни и те же вопросы на тему «как мы дружно обгадились и что теперь делать», главенствующие в ЕС Германия и Франция с их лидерами Салази и Метцингер пытались заставить британца выделить деньги в общий бюджет ЕС для поддержки тонущих Греции, Португалии, Румынии, Ирландии и получивших серьезные пробоины Испании и Италии.

Дэвид Ньюджент стоял насмерть – никаких подачек. Только резкая экономия и сокращение социальных расходов. В итоге стороны расстались крайне недовольные друг другом, и министр финансов Германии напоследок заявил о «невыносимой политике Лондона», разрушающей европейское единство. Британские СМИ в стороне не остались, ответив сокрушительным информационным залпом. Вдобавок к этому таблоид Sun возьми да и выложи запись приватного разговора двух высокопоставленных чиновников ЕС, где они крайне нелестно отзывались об англичанах, их стране и самой королеве. Скандал попытались замять сразу, уволив болтунов, но было уже слишком поздно. Правящая консервативная партия, объединившись с либералами и ультраправыми, стала требовать немедленного выхода из Евросоюза.

На обратном пути Ньюджент посетил тихий Цюрих, где встретился с богатейшими бизнесменами Австралии и Канады, стран Британского Содружества. Бизнесмены такого уровня – люди серьезные и прямые, и они без обиняков подтвердили сводки аналитиков, заявив, что даже внутри Содружества влияние Лондона стремится к нулю. Это подтвердил и недавно размещенный контингент американских морских пехотинцев в австралийском Порт-Дарвине. Даже Канберра видела своих защитников в американцах.

Вернувшись в Лондон, премьер-министр тут же вызвал к себе Берка и потребовал ускорить реализацию плана.

Алистер был прожженным опытным чиновником, но он все равно оставлял себе лазейку для последнего маневра. Вот и сейчас, собрав всю волю и смелость в кулак, он спросил:

– Дэвид, королева в курсе?

Премьер-министр нахмурил брови и коротко бросил:

– Если этот старый пес, барон Эртон, отирается среди вас, значит – в курсе. Что за дурацкий вопрос, Алистер?

– Мне интересно, кто окажется крайним, если мы промахнемся.

– Ты, Алистер. Как глава ОКР. Так что не промахивайся, старина, – спокойно сказал Ньюджент и протянул ему руку, давая понять, что аудиенция окончена.

Дождавшись, чтобы присутствующие спокойно расселись по местам, Берк повернулся к бригадиру Крэддоку:

– Мистер Крэддок, пожалуйста, начинайте.

Нахмурившись, Итон достал безликую белую бумажку и заскрипел своим голосом, похожим на плохо смазанную телегу. Он уныло перечислил потери противника, не забыв упомянуть о двух погибших бойцах SFSG, сообщил о первой реакции на акцию русского командования.

– Вы не забыли сказать про исчезновение полевого агента Шика, бригадир? Это ставит под угрозу всю дальнейшую операцию, – неожиданно заявил Дуайт Николсон, бросив презрительный взгляд на директора Секретной службы. В конце концов, Питон-Крэддок хоть и закреплен за DIS, а работает напрямую с говнюком Финли. Его креатура.

– Что? – дернулся барон Эртон. – Это как – «пропал»?

– Очень просто! – нехотя ответил Кельт – Джон Финли. – В начале операции был, а потом – исчез.

– Вы отдаете себе отчет в том, что произошло? – не выдержал Берк. – Джон, вы понимаете, что уже практически сорвали всю операцию в дебюте... Вы нашли этого человека?

Директор МИ-6 поднял вверх узкую ладонь, прося его выслушать.

– Шикю некуда деваться. Он не уйдет даже к русским. По крайней мере – сейчас. Он умен и хитер и будет ждать момента, чтобы обменять свою ценную информацию на свою голову. Когда операция войдет в решающую стадию, он себя проявит, тут мы его и перехватим. Да, это неприятный инцидент, но на реализацию плана он не повлияет.

– На кой черт вы вообще с ним связались? Неужели на Кавказе не найдется других, надежных, людей?

– Надежных – мало... Опытных – почти нет. Если бы Шик не знал так хорошо регион, если бы не имел своих связей и знакомств, отряд сэра Крэддока никогда бы не попал на Кавказ.

– Ага. А этот Шик сразу побежит к своим бывшим коллегам из КГБ.

– Не побежит. Для новой власти он – террорист номер один. Он это знает. Не будем повторяться.

Берк повернул голову к Дэйву Оллфорду, мастеру психологической войны:

– Что скажете?

– Мистер Финли прав. Сейчас беглец не опасен. Он затаится и будет выжидать.

– Что скажете о реакции Кремля на кавказские события?

– Благодаря работе нашего барона, – Оллфорд кивнул в сторону Эртона, – который крутит кадры с изувеченными телами русского спецназа почти круглые сутки по всему миру через сеть вещания ВВС, Москва крайне раздражена. Но пока держит себя в руках.

Лоутон качнул головой.

– Это плохо. Нужно дальнейшее раскачивание ситуации. Иначе мы не сдвинемся с места.

Берк усмехнулся.

– Вы за это не переживайте, дружище. Обострение ситуации обязательно будет. Это дело полевых оперативников, а не ваших высоколобых аналитиков.

Обсуждение технических вопросов заняло еще час, и, перед тем как расходиться, Алистер Берк попросил остаться двоих – барона Кристофера Эртона и Джона Финли.

– Барон, что скажете по американскому направлению?

– Бедняга Обайя слишком долго играл в социалиста и слишком много потратил денег из федерального бюджета на поддержку малоимущих. Америка – это не Франция, там социалистов не любят. Плюс эти совместные игры с русскими против Китая и Европы. Консерваторы ему такие вещи не простят. Чтобы выиграть выборы у кандидата от республиканцев, Обайя будет вынужден ужесточать позицию. Особенно по отношению к Москве.

Берк снова усмехнулся.

– Сэр, так мы можем рассчитывать на наших американских друзей?

– Без сомнения. Они не слезут с Обайи живьем и заставят его реагировать на европейские дела.

– Это хорошо. Джон, что скажешь?

– Делаем следующий шаг.

– Не слишком быстро?

– Не думаю. Напряжение должно нарастать постепенно.

– Готовы ли люди для акций прямого действия?

– Да.

– Смотрите не ошибитесь еще раз, мистер Финли, как на Кавказе.

– Да, сэр. Ошибок не будет, обещаю. Можно вопрос?

– Спрашивайте, Джон.

– Почему вы так уверены в реакции правительства КНР, Алистер? Наша агентура...

– Ваша агентура, Джон, не стоит ничего по сравнению с моим агентом. И поэтому я уверен в реакции китайского руководства. А теперь извините, Джон, мне пора.

Санкт-Петербург. Русь. 9 мая

Фронтовику и коренному ленинградцу Сергею Фадеевичу Батурину всю предпраздничную ночь нездоровилось. Сильно кололо в боку, тошнило, кружилась голова. Проклиная возраст и старые болячки, он ворочался, часто вставал, ходил по комнате, как его наставлял лечащий врач. Сон все не шел, скоро час ночи, а ровно в шесть надо встать, одеться, побриться и позавтракать. Ровно в семь тридцать придет автобус, который заберет его, Батурина, и еще одну фронтовичку, Октябрину Сафроновну Колупаеву, и отвезет их на Пискаревское кладбище к памятнику Родине-матери. Там они возложат своими трясущимися старческими руками четное число гвоздик к гранитным плитам, поминая миллионы павших в той войне...

В этот раз помимо городского начальства и генерал-губернатора федерального округа венки к памятнику возложит сам президент, или, как его сейчас называют, глава государства. Это правильно, «президент» – слово импортное, «глава» – наше, русское...

Стрельченко, честно говоря, особо старику не нравился. Хотя молодые, его сын и сноха (хотя какие молодые, уже дед с бабкой) и внук с женой, президента защищали, старик, верный коммунист, все равно упрямо считал его «буржуйем и олигархом», купившим свою должность.

Но когда три недели назад ему позвонили из военкомата (не из собеса, а именно из военкомата, как бывшему офицеру) и, извинившись, спросили о возможности на Девятое мая поучаствовать вместе с главой государства в возложении цветов на Пискаревке, он сразу же согласился. Не из-за Стрельченко, конечно. А из-за всех ребят его стрелковой роты 45-й гвардейской дивизии, тех, которые не дожили до Победы, устлав своими костями сотни километров от страшных Синявинских высот до Курляндского котла.

Младший лейтенант после краткосрочных курсов почти год отсидел в штабе полка, юный Батурина попал на фронт в январе сорок третьего, с ходу угодив в мясорубку операции «Искра», когда, захлебываясь в собственной и немецкой крови, гвардейцы рвали удушающее кольцо блокады. Войну он закончил в Прибалтике уже старшим лейтенантом, получив пулю немецкого снайпера в живот третьего мая сорок пятого и едва не отдав богу душу.

Все бы ничего, но за две недели до Дня Победы ему сообщили о плановой операции. Камни в почках периодически мучили его уже три десятка лет, а тут такая удача. Нашлись благодетели, оплатившие лечение сразу несколькими старикам.

– Что вы, что вы! – всплеснул руками врач, когда Сергей Фадеевич сообщил ему о мероприятиях на Девятое мая. – Конечно, успеете, дорогой вы мой ветеран. Операция займет не больше часа, сделаем небольшой разрез и вытащим эту гадость из вас. Анализы у вас хорошие, сердце – тоже. Все в норме. Через неделю будете бегать на танцы, за девушками приударять! Вы же люди стального поколения, Сергей Фадеевич! Не то что мы, хлипкие людишки...

Действительно, операция прошла успешно. Только с тех пор Сергей Фадеевич стал ощущать легкий дискомфорт в боку. «Видимо, ранка затягивается», – думал он до сегодняшней ночи. Сегодня ночью понял, что надо звонить сыну или внуку. Пусть везут к врачу. Что-то здорово в боку дергает. Ладно, главное, день Победы пройдет, сразу и поедем.

* * *

– Ты уверен, что сработает? – Человек с волевым подбородком и серыми глазами и прозвищем Волевой повернулся к сидящему справа от него интеллигентному очкарику.

– Сто процентов! – спокойно ответил тот и вновь отвернулся, разглядывая в окно BMW длинноногих питерских девушек, с утра гуляющих по Невскому.

Волевой цыкнул зубом.

– Слушай, гений, блин, непризнанный. Я тебя последний раз спрашиваю, откуда такая уверенность?

– Опытным путем изучено! – ехидно ответил собеседник. – Поместил в свинью капсулу, поставил время, и все четко сработало. А свинья и человек, как следует из курса естествознания, животные похожие... Вы смотрите, любезный, чтобы ваши люди не обделались. Обычно это бывает.

Волевой сверкнул глазами, но промолчал. Ссориться с очкариком не стоило. Все равно жить интеллигентшишке оставалось какой-то час. По опыту оперативной работы знал, что некоторые жертвы чувствуют приближение смерти. Здесь главное – не испугнуть.

– Ладно, будем надеяться на лучшее! – хохотнул Волевой. Его собеседник от неожиданности вздрогнул.

– И деньги не забудьте перевести. Сразу весь остаток суммы! – напомнил очкарик водителю.

Тот снова засмеялся.

– Зачем тебе деньги, если вы строите бесклассовое общество?

– Не ваше дело! – повысил голос очкарик. – И вообще, мне пора.

Парень потянулся к двери.

– Иди, иди, Че Гевара хренов... – Волевой демонстративно стал смотреть в другую сторону.

Интеллигентный очкарик Витя Мартынов, известный под псевдонимом Март, честно считал себя «террористом-анархистом», борющимся с кровавым режимом. Пять лет назад, едва ему исполнилось двадцать, он с друзьями из менделеевского института вступил в подпольную анархическую группировку «Синдикат». Основным занятием группировки было малевание анархических символов на лобовых стеклах дорогих лимузинов и стенах ночных клубов, где отягивались их сверстники-мажоры. Детские игры закончились, когда двух активистов «Синдиката» изувечили охранники ночного клуба «Вертеп», поймав на автостоянке, где они увлеченно разукрашивали «Порш Кайенн». Оба парня угодили на месяц в травматологию, а в «Синдикате» появилась так называемая «боевая организация», куда как специалист-химик вошел и Март. Чтобы «мастырить» взрывчатку и зажигательные смеси.

Первой акцией возмездия было нападение на автостоянку у «Вертепа», когда с помощью бутылок «коктейля Молотова» анархисты спалили пять машин и еще пять основательно повредили. После первых же удачных акций на «Синдикат» обратили внимание зарубежные коллеги и наладили регулярное снабжение русских анархистов деньгами. Но как говорит народная поговорка: «Сколько веревочке ни виться...»

За юных революционеров взялись полицейские из региональных центров противодействия экстремизму, с одной стороны, и страховые компании – с другой. Причем попасть в руки полиции – это еще хорошо. Бывшая братва, с головой ушедшая в страховой бизнес и несшая от действий «революционеров» серьезные убытки, была на порядок опасней полиции. Те хоть почки отобьют. Братва, бывало, анархистов вообще инвалидами оставляла. Однажды под бейсбольные биты «страховщиков» попала и любимая девушка Марта – Катя Снегирь. Ей крепко досталось, и до реанимации ее так и не довезли. После этого романтик Витя Мартынов умер. И родился безжалостный Март. Вот так мальчик-химик из приличной семьи постепенно превратился в одиозного террориста, за которым бегали все спецслужбы Руси.

Как бы то ни было, «боевую организацию» «Синдиката» разгромили за считанные месяцы. Мартынов хотел бежать в Финляндию через Питер, но тут его взяли в оборот исламисты. Подпольные исламские ячейки плотно сотрудничают с радикальными экологами и леваками. Как в Европе, так и на Руси. Характерной особенностью местечковых исламистов было большое количество вчерашних русских мальчиков и девочек, принявших ислам. Глупое решение, ничего не скажешь, но ловцы душ умеют работать. С одной из таких групп и связался Витя Мартынов. Вскоре на него вышли очень серьезные дяди во главе с Фаридом Гайнуллиным.

Именно Мартынов предложил использовать для терактов несчастных задрог-наркоманов. Как утверждал сам Март, ему это приснилось.

После разгрома исламистской сети Мартынов сбежал в Эстонию, где его и поймали. И предложили работать на Волевого. Кто такой этот Волевой, Март не знал, но догадывался, что тот работает на одну из спецслужб. А в буржуазном обществе все спецслужбы грызутся между собой, это аксиома. Марта долго, почти полгода, держали в уединенном домике, где была создана первоклассная химическая лаборатория. Требовали работать над новыми видами взрывчатки и способами их применения. Потом познакомили с самим Волевым, человеком без имени.

– Что, революционер, готов убить дракона? – весело спросил Волевой, развалившись в кресле напротив Марта.

– С кем имею честь? – спросил Март, оторвавшись от микроскопа.

– Не твоего ума дело, мозгляк.

Волевой сделал знак одному из охранников. Тот, радостно оскалившись, врезал Марту в печень. Виктора скрутило от боли и бросило на пол.

– Ты еще не понял, Менделеев хренов, что ты есть на этом свете? – ласково осведомился Волевой, поигрывая перед носом Марта лакированным ботинком. – Так будем работать вместе во имя мировой революции?

Задышающийся от боли Март кивнул.

Чуть позже Витя понял, кого под словом «дракон» имел в виду Волевой. Самого господина Стрельченко. Март согласился, только обговорив ряд условий.

Заказчик не возражал, и вскоре Март втянулся в работу, с каждым днем поражаясь осведомленности людей Волевого.

– Почему я? – наконец спросил Витя. – У вас огромные возможности, можете найти профессионалов мирового уровня...

– Против профессионалов заточена любая служба безопасности. Тем более что его охрану возглавляет бывший диверсант, который отлично знает ходы потенциальных террористов. Сам такой... Чтобы достать цель, нужны нестандартные ходы... Снайперы, ПЗРК, бомбы на дороге кортежа не подойдут.

Наконец нестандартный вариант был придуман.

– Что для этого требуется? – спросил Волевой.

– Хирург, больной и взрывчатка.

Волевой кивнул.

– Американский октоген и углепластик как материал вас устроят?

– Американский? Да, вполне...

– Отлично, Март... Вы работайте, работайте. Чтобы к маю все было готово.

Когда Март вылез из BMW и нырнул в ближайший переулок, человек с волевым лицом поднес к губам микрофон рации и приказал:

– Контролировать на расстоянии. Не сближаться.

– Есть, – отозвался голос.

Посидев в машине с минуту, Волевой вышел на прохладный утренний воздух, разминая ноги. Наметанный глаз сразу засек из малочисленных утренних пешеходов и празднующихся агентов наружного наблюдения и оперативников. Вон двое в униформе дорожных рабочих якобы проверяют решетку дренажного слива. Вот еще один в двухстах метрах изображает молодого похмеляющегося алкоголика. Только, если присмотреться, для алкаша у парня слишком гладкое лицо и тренированная фигура, хоть и тщательно скрываемая мешковатым спортивным костюмом.

Санкт-Петербург вообще к прибытию главы государства был наводнен силовиками. Полиция в форме и штатском, национальная безопасность, внутренние войска, специальная

безопасность. Конечно, сейчас не былые времена, движение часами никто не перекрывает и оппозицию просто так не гоняет, но все равно напряжение чувствуется.

– Извините, гражданин, – раздался сзади громкий голос.

Волевой неторопливо обернулся и узрел двух патрульных полицейских с жетонами на груди.

– Слушаю вас, младший сержант, – он сделал нажим на слове «младший».

– Предъявите, пожалуйста, документы. Сами понимаете, праздник, усиление...

– Пожалуйста. – Волевой извлек портмоне, достал оттуда удостоверение темно-синего цвета и пластиковую карточку с фотографией. И с легкой усмешкой наблюдал, как вытянулись в струну патрульные.

– Все нормально, ребят. Вольно! – Он покровительственно махнул рукой. – Благодарю за службу.

Патрульные козырнули.

– Служим Руси, господин полковник.

Когда патрульные отошли чуть подальше, один из них, веснушчатый младший сержант, оглянулся.

– Черт дернул подойти. Уж больно морда наглая. Целый полковник спецуры... Второе управление, госохрана...

– Как фамилия-то... Не разглядел?

Младший сержант наморщил лоб.

– Во, блин. Из головы выскочила. Что-то лошадиное... Конюхов, что ли...

Напарник удивленно посмотрел на сержанта.

– У тебя же вроде проблем с памятью не было?

– Не было, – отрезал сержант. – Но реально его фамилия из головы вылетела. Мистика...

– С перепугу, наверное...

– Да пошел ты, Серега. Вон смотри, еще какой-то дядя на «Лексусе», давай-ка его прихватим.

* * *

Сергею Фадеевичу Батурину стало плохо, когда он готовился пройти через последний пост охраны и присоединиться к десятку своих ровесников, уже прошедших проверку и спокойно расположившихся на складных стульях под навесом. Его уже дважды с извинениями обыскивала служба безопасности, теперь оставалось только пройти через турникет с улыбочивыми и рослыми ребятами в темно-синей форме Службы специальной безопасности и белых парадных рубашках.

Поглядев на бледное лицо старика, старший лейтенант Александр Камынин, из управления безопасности президента, тут же подошел к нему и спросил, заглянув в список приглашенных:

– Сергей Фадеевич, вам плохо?

– Да что-то нехорошо. В боку колет. – И тяжело опустился на любезно подставленный стул.

Старший лейтенант достал рацию, собираясь вызвать «Скорую» и отправить старика в больницу, но фронтовик вдруг крепко схватил его за запястье.

– Не вызывай «Скорую», сынок. Не надо, я – с сорок третьего на передовой, такого повидал, тебе и не снилось. Сейчас меня отпустит – и пойду.

Камынин на секунду замешкался.

– А вдруг вам совсем плохо станет? Упадете еще...

– Не упаду! – почти закричал старик. – Кто ты такой, сопляк, чтобы меня к памятнику в День Победы не пускать?! Здесь на Пискаревке мои отец с матерью лежат, две сестры младших, дядя родной! Я дойду!

И покрасневший от ярости и обиды фронтовик чуть приподнялся, опираясь на палку.
«Не дай бог, его еще и удар хватит», – подумал Камынин.

– Подождите секундочку, Сергей Фадеевич. Сейчас доктор вам таблетку даст, и пройдет.
Подошедший доктор быстренько ошупал старика, померил давление и протянул ему пару таблеток.

– Скорее всего, спазм. Такое бывает, – сказал доктор Камынину, успокаивая лейтенанта.
Старик посмотрел на часы, было видно, что он сильно взволнован. До начала мероприятия осталось меньше пяти минут, вон и сам Стрельченко появился в окружении городских чиновников и начальника личной охраны полковника Хмелевского.

Опираясь на палку, Батулин встал, распрямляя спину.

– Мне легче. Спасибо, доктор, я пойду.

Камынин протянул руку:

– Вашу карточку-пропуск, пожалуйста, Сергей Фадеевич.

Наконец Батулин прошел последнее препятствие на своем пути и оказался внутри зоны безопасности. К нему тут же подошли энергичная тетка в брючном костюме и пожилой полковник в парадной форме.

– Сергей Фадеевич! – едва не закричала женщина. – Мы уже волновались, что вы не придете...

– Пришел, все нормально, – отрезал старик, нахмутив кустистые брови.

Тем временем женщина ойкнула, схватившись за вставленный в ухо наушник.

– Сюда сам президент идет!

Действительно, глава государства приближался к группе фронтовиков своим знаменитым быстрым шагом. Женщину и полковника из Совета ветеранов мгновенно оттеснили молчаливые ребята в штатском, и Стрелец, улыбаясь, начал пожимать пожилым людям ладони, а блокаднице Колупаевой даже поцеловал руку.

– Поздравляю вас, уважаемые, – говорил глава государства. – Это ваш праздник, поздравляю... С победой вас, с победой.

Рука у главы государства была крепкая и сухая, в глаза Батулину бросились старые шрамы на костяшках пальцев.

Расстановка была такой: впереди венки с лентами несут кремлевские гвардейцы, за ними сам Стрельченко, следом фронтовики и чины городской администрации вперемешку. Каждому из фронтовиков быстро раздали по букету из четырех алых гвоздик, перевязанных черно-оранжевой георгиевской лентой.

Александр Камынин наблюдал за торжественной минутой возложения венка издали, метров с четырехсот. Сейчас гвардейцы поставят венок, потом глава государства две минуты постоит со скорбным выражением лица, следом цветы возложат ветераны и уже потом – толпящиеся чиновники и генералы. Вот венок встал на свое место, и Стрельченко слегка наклонил голову.

Камынин перевел взгляд на стоящую чуть сзади главы государства неровную шеренгу фронтовиков, выискивая старика, которому было плохо. Вон он, стоит четвертым слева. Молодец, хорошо держится...

Старший лейтенант даже не понял, что произошло. В оглушительной тишине возле монумента раздался не хлопок, скорее треск, словно рвут кусок брезента. Потом сверкнула вспышка, шеренга фронтовиков покачнулась и рассыпалась, оставляя за собой кровавые следы.

Только через пару секунд до Камынина дошло, что это был взрыв. Причем взрыв в непосредственной близости от президента.

Стрельченко что-то сильно толкнуло в бок и едва не повалило на гранитные ступеньки. Дохнуло жаром и характерным резким запахом свежей крови. Потом он услышал взрыв, и что-

то брызнуло на лицо. Еще через секунду его все-таки сшибли с ног собственные телохранители, едва не переломав кости.

Через полчаса глава государства наблюдал за стараниями лейб-медика, профессора Меркурьева, который накладывал ему на бедро повязку. Еще одна повязка уже покоилась на предплечье.

Рядом подобно тигру в клетке метался полковник Хмелевский.

– Ну что, Леонид Иванович? – наконец спросил Хмелевский.

– Да все в норме у нашего Евгения Викторовича. По крайней мере, предварительный осмотр, кроме двух легких осколочных ранений в бедро и предплечье, не выявил...

Стрельченко хмуро посмотрел на приближенных и вздохнул.

– Вам бы полный осмотр сделать, Евгений Викторович, – предложил Меркурьев. – Здесь, в Питере, военно-медицинская академия, прекрасные специалисты...

– Да полно вам панику разводить, – сказал Стрелец. – Все нормально, руки-ноги вроде целы.

Полковник Хмелевский остановил свой бег по кабинету.

– Поражающие элементы, похоже, углепластик. Без полного осмотра никак нельзя.

Президент покосился на начальника службы безопасности.

– Тоже мне, советник. Ты безопасность мою обеспечивать должен, а не Меркурьеву советовать. Давай подробности – сколько народу погибло, чего и как.

Хмелевский снова перестал вышагивать как заведенный и застыл.

– Евгений Викторович... Кхм. На эту минуту погибло четыре человека, еще двадцать два в больнице. У четырех, включая вице-губернатора Петербурга, госпожу Донскую, состояние критическое.

– Что это было? Быстрее, полковник, не тяните с ответом.

Хмелевский вздохнул.

– Вероятно, самоубийца-подрывник.

Стрелец покачал головой.

– Полковник, вы идиот? Вы хотите сказать, что фронтовик под девяносто лет оказался смертником и террористом? Тем более будь у него пояс шахида, его раскрыли бы сразу. Не говорите ерунды.

Глава государства хлопнул себя по здоровому бедру.

– Значит, так. Сейчас же вылетаем в Москву. Хмелевский, распорядись.

Меркурьев поднял ладони вверх.

– Вам нельзя, нужно полное обследование...

– Вот в Москве и обследуемся. У меня семья там, Иваныч, не забыл? Где пресс-служба?

Бледный и трясущийся пресс-секретарь Антон Лагутин предстал перед светлые очи Стрельца через пару минут.

– Цел, Антоша?

– Да, – проблеял Лагутин, мелко кивая головой.

– Раз цел, прекращай трястись и давай пресс-релиз от моего имени. Мол, глава государства жив-здоров, компетентные органы принимают меры по поиску и уничтожению террористов. Понял? Именно так и сообщи, мол, меры уже принимаются. Свяжись с пресс-службами МВД, СНБ и ССБ, согласуете коммюнике. Остальное – сам придумаешь. Все, работай.

Уже находясь в набирающем высоту самолете, Стрелец позвонил жене. Он всегда делал это сам, не доверяя никому. Президенты уходят и приходят, а семья остается.

– Ты как? – услышал он ее низкий, с хрипотцой, голос.

– Все уже нормально. Правда, появилась пара новых дырок, но Иваныч их уже залатал.

Было слышно, как жена судорожно, по-бабьи вздохнула:

– Домой скоро? Дети волнуются.

– Скоро, скоро! Только проведу пару встреч, и к тебе на ужин!

– Опять врешь? Черт, надо было оставаться олигархом, Жень. Всем нам бы жилось спокойнее.

– Я тебе когда-то врал, родная? – усмехнулся Стрелец, морщась от боли в предплечье. – Сказал, сегодня ужинаем все за одним столом, значит, так и есть... Все, родная, связь заканчиваю.

Положив трубку, Стрелец мрачно уставился в иллюминатор, прокручивая в голове сценарий произошедшего теракта. Вопросов было много, и ни на один он пока не мог ответить. И это бесило и мучило больше всего.

Московская область. Горки-9. 10 мая

Первое, после теракта в Санкт-Петербурге, заседание СКАТ – Специальной комиссии по антитеррористической деятельности, отвечающей за противодействие терроризму в любых проявлениях, проходило в загородной резиденции Стрельца. Уникальность СКАТ состояла в том, что озвученная оперативная информация обычно реализовывалась немедленно. Именно СКАТ был тем карающим мечом нации, без пощады рубящим головы лидерам террористов, их финансистам и членам их семей. Здесь, в узком кругу, без лишних ушей и свидетелей, принимались решения на ликвидацию или акцию устрашения.

Сам глава государства сидел с мрачным видом и молча, пока молча, выслушивал доклады подчиненных. Докладывал Николай Блинов. Именно его ведомство – СНБ – считалось основным в борьбе с террором.

– Исходя из данных экспертов-криминалистов, бомба была размещена внутри тела Батурина, а не в поясе смертника, как мы думали раньше.

Глава Службы специальной безопасности неслышно выдохнул. Слава богу! Если бы старик с поясом взрывчатки прошел через три кордона безопасности, то головы бы точно не сносить. Хотя первое управление ССБ, президентская охрана, считалось самостоятельным подразделением, оно все же подчинялось Ляхову.

– Состав взрывчатки известен? Система подрыва? Поражающие элементы? – Генерал-лейтенант Олег Корженевич, Бульбаш, начальник управления специальных операций ГРУ, поднял глаза на Блинова.

– Известно, генерал. Октоген производства США, часовой механизм – из японских комплектующих. Поражающие элементы – стрелки из углепластика, тоже производства США. Сейчас устанавливаем точное место производства.

В том, что генерал Корженевич столь нагло задает вопросы главе конкурирующего ведомства, нет ничего удивительного. Раньше они оба были армейскими офицерами, позже – заговорщиками и террористами, и лишь воля Стрельца развела их по разным «конторам». Блинов и Корженевич были связаны кровью. Большой кровью. И связаны – намертво. Люди Корженевича всегда контролировали исполнение решений Особого комитета. Или сами их исполняли.

Олег Корженевич, Бульбаш, всем в своей жизни обязан Стрельцу. Редкий случай в наше время, но он действительно верный человек. В 1994 году Корженевич – оперативник ГРУ из балканской резидентуры – совершенно случайно узнал то, о чем ему знать не следовало: о поставках оружия и боеприпасов, принадлежавших выведенной Западной группе войск, хорватам и боснийцам. Канал поставок «крышевали» настолько серьезные люди из Минобороны, спецслужб и Кремля, что жить Корженевичу оставалось считанные дни.

Его срочно отозвали в Москву и собирались без шума убрать, но здесь вмешался случай. Вместо отца обработанную ядовитым таллием кружку взяла его пятилетняя дочь Яна... Олег все понял и сбежал к знакомым в Прибалтику, увозя с собой перепуганную жену и умирающую дочь.

Там, в Прибалтике, его и нашли люди Стрельца. Дочку удалось спасти, буквально в последний момент ее отправили на операцию в Швейцарию. Яне пересадили костный мозг и почти три года выводили остатки яда из организма. Откуда Стрелец узнал про историю Корженевича и почему на нем остановил свой выбор, не знали ни Блинов, ни Сальников. Хотя сознательно и осторожно копали в этом направлении несколько лет. Как бы то ни было, но Стрелец получил в свои руки «человека-машину». Профессионала экстра-класса, преданного ему лично. В ходе операции Обвал, приведшей Стрельца к власти, в конце концов именно Бульбаш и созданный и обученный им отряд «Призрак» были основной ударной силой ноябрьской революции. Состав и численность отряда до сих пор являются тайной. Некоторые «призраки»,

типа Харона, сделали себе неплохую карьеру, другие – официально служили в управлениях специальных операций силовых структур, но куда делись еще десятки человек? Где они ныне сидят и чьи приказы выполняют? Блинов не сомневался: случись что, «призраки» Корженевича материализуются в самых неожиданных местах.

– Американцы? – Брови министра внутренних дел Сальникова метнулись вверх.

– Вряд ли американцы. Те, кто хочет нас столкнуть лбами.

– Что с этим ветераном, как его... Батуриным? – наконец спросил Стрелец, морщась от боли в поврежденном бедре.

– Пока все чисто. Перед тем как пригласили на встречу, был многократно проверен. Как и члены его семьи. И нами, и МВД, и военной контрразведкой. Ни одной зацепки. Абсолютно правильный человек, хотя и мог выдать про нынешнюю власть что-то оскорбительное.

Стрельченко раздраженно махнул ладонью.

– Не говорите ерунды. Если бы все те, кому мы не нравимся, пытались нас убить, здесь сидели бы одни покойники. Что наши американские друзья? – Слово «друзья» глава государства произнес с максимальной иронией.

– Выражают соболезнования и готовность помочь. Но конкретики нет.

– Конкретика будет, когда они увидят копии экспертных заключений о взрывчатом веществе и поражающих элементах. Хотелось бы послушать их объяснения.

Сидящие за столом согласно закивали.

– Ладно, давайте закругляться, господа. Раз, кроме догадок, вам нечем меня порадовать, нужно работать дальше. У меня тоже полно работы.

Опираясь на трость, Стрелец тяжело встал и по очереди пожал руки выходящим людям.

Последним выходил Ляхов. Он на секунду задержался и тихо сказал:

– У меня есть кое-какая оперативная информация.

Стрельченко сузил глаза и слегка выдвинул вперед челюсть, резко очертив подбородок. Верный признак крайнего недовольствия.

– Что, на заседании сказать не могли? – резко спросил он своего бывшего телохранителя.

– Никак нет, – стушевался Ляхов. – Просто информация весьма... интересная.

Министр внутренних дел Сальников обернулся, увидел задержавшегося Ляхова.

– Вот красавец! – громко сказал он, кивком указав на Ляхова. – Что за люди! Без смазки в любое место влезут.

Идущий рядом заместитель Блинова генерал-лейтенант Уланов презрительно скривил губы.

Когда руководитель Специальной службы безопасности генерал-полковник Ляхов вышел из кабинета, Стрелец неторопливо обошел вокруг стола, достал пачку сигарет из кармана легкой куртки, зажигалку. Закурил и так же неторопливо набулькал полный стакан зеленого шипучего напитка «Тархун». Жадно вдохнул ноздрями приятный запах. Запах далекого детства и давно прошедшей эпохи. Посмотрев еще с минуту на пузырьки, он с наслаждением сделал большой глоток и поставил стакан на столик.

Ляхов сейчас сообщил пренеприятную новость. По данным электронной разведки пятого управления ССБ, в дни терактов как в Махачкале, так и в Санкт-Петербурге резко увеличился радиообмен между неизвестными пока абонентами на территории Руси и базой Менвит Хилл ВВС Великобритании. Но кроме ВВС ее величества там базировались американцы из состава Агентства Национальной безопасности, занимающиеся обслуживанием глобальной электронной разведывательной системы ECHELON.

Теперь понятно, почему Ляхов выдал эту информацию лично ему. Сказывается долгая работа телохранителем. Никому не доверяет, кроме первого лица. Странно, почему повышение обычного количества сообщений заметили только люди Ляхова? Куда смотрела радиоразведка ГРУ генерала Нестерова? Чем занималось СНБ Блинова?

Следуя многократно проверенному личным опытом принципу «не держать все яйца в одной корзине» и создавая несколько независимых и яростно конкурирующих между собой разведывательных ведомств, Стрелец хотел видеть объективную картину реальности, а не отглаженные отчеты придворных лизоблюдов. Именно необъективные данные спецслужб, искажающие реальность в угоду власти предрешающей, частенько ведут к краху режима. А Стрельцу отнюдь не улыбалось коротать остаток своих дней в какой-нибудь дыре.

Одно было ясно как божий день. Враг, кто бы он ни был, опирается на поддержку в силовых структурах. Значит, налицо измена.

«Предают только свои», – подумал глава государства, одним глотком заканчивая с «Гархуном» и гася сигарету в пепельнице.

* * *

Человек с волевым лицом, вернувшийся утром из Санкт-Петербурга, предъявил пропуск охраннику на входе в административное здание, ни к месту воткнутое в тихом Большом Киселевском переулке. Охранник козырнул вошедшему, и Волевой прошел в обширный холл. Потом еще один пост охраны, у лифтов, снова потребовал пропуск. Затем Волевой поднялся на лифте, засунул пропуск в специальную щель под панелью управления и оказался в закрытом крыле здания. Сюда из всей службы, насчитывающей десятки тысяч сотрудников, могли попасть не более пяти-шести человек. В личные апартаменты директора службы вызывали только самых доверенных. Волевой был как раз из них.

– Где Март? – спросил вошедшего генерал, который стоял к нему спиной и смотрел на огромный аквариум, где плавали среди кораллов тропические рыбки.

– Там, где его никто не найдет. Над телом хорошо поработали, опознать невозможно.

– Генетический материал?

– У СНБ уже есть генетический материал Марта. И его труп официально опознали семь месяцев назад. Кому будет интересен очередной неопознанный труп? Это если найдут еще, в чем я сомневаюсь.

Генерал резко обернулся:

– А ты не сомневайся! Найдут. Ты что думаешь, Сальников или Блинов тупее тебя? Да они такие дела проворачивали, тебе это и не снилось. Это тебе не с ксивой банки трясти. Они собаку сожрали на оперативной работе. Сейчас на них Стрелец надавит, так они что хочешь найдут.

Волевой нахмурился. Было видно, что его шеф боится.

– Ну, найдут и найдут. Пусть удивляются, что у них покойники по земле разгуливают.

– С доктором все чисто?

– Да. Никто и пикнуть не успел. Убрали всех троих. Еще сюрприз оставили.

Когда Волевой собирался выходить, генерал остановил его коротким вопросом:

– Не запахло тебе предателем быть?

Человек застыл перед дверьми и медленно повернулся лицом к своему начальнику:

– Мы не предатели, товарищ генерал. Мы – санитары леса. Стрельченко – реальный маньяк. И его убирать надо, пока не поздно. Пока он нас самих в расход не списал. Вместе с вашими зарубежными дружками и молодой женой...

Генерал ничего не ответил, он снова повернулся к Волевому спиной и начал постукивать пальцем по стеклу аквариума.

Тегеран. Исламская республика Иран. 10 мая

Сархан⁶ Зафар Мирзапур сегодня проснулся в пять, на час раньше, чем обычно. Ему опять снились родители. Высокий, улыбающийся отец с белозубой улыбкой таскал его на руках и гудел, изображая самолет, а маленький Зафар визжал от восторга. Мать, теплыми, нежными руками поправляющая ему воротник смешного школьного костюмчика перед отправкой в первый класс. О Аллах, как давно это было! Словно в другом тысячелетии.

Тогда, в другой жизни, маленький Зафар носил фамилию Баргази и жил в большом доме на западной окраине Тегерана. Дом был родовым гнездом уважаемого семейства Баргази, давшего Ирану целую плеяду дипломатов и военачальников.

Отец Зафара служил в знаменитой гвардии шахиншаха Резы Пехлеви, джавидан, а мать происходила из семьи знаменитых на весь Иран врачей. Дом всегда был полной чашей, большой сад, толпа родственников и друзей. Все закончилось в январе 1979 года...

Зафару запомнился тот январский день, когда он последний раз видел своих родителей.

Отец, в темно-зеленой полевой форме, обвешанный оружием и пахнущий чем-то резким и неприятным. Мать с красными заплаканными глазами, такой Зафар ее никогда не видел. Отец громко кричал на мать, подгоняя ее, а мать, всхлипывая, никак не могла оторваться от сына. На улице отчетливо слышались нечеловеческий, звериный рев толпы и частая автоматная стрельба.

Потом долгая трехдневная дорога на север в кузове трясущегося грузовика, набитого вонючими овечьими шкурами. В приграничном городке Джульфа его ждала новая семья.

Когда-то давно остовар⁷ пограничной жандармерии Абдель Мирзапур совершил проступок. Слишком гуманно обошелся с задержанными исламистами. Кто-то донес, и жандарма немедленно арестовала шахская госбезопасность, САВАК. Судьбу несчастного Абделя можно было считать решенной, так как вырваться из цепких лап тайной полиции мало кому удавалось. Но ему повезло, у него нашлись высокопоставленные родственники в столице. Именно Джавад Баргази, отец Зафара, заступился за Абделя и снял его с крючка. Когда тот приполз к нему на коленях, благодаря за спасение, Баргази поднял его с колен и сказал:

– Не стоит благодарности, Абдель. Но придет время, и ты окажешь услугу мне или моей семье.

Когда десятилетнего грязного и заплаканного Зафара привезли в Джульфу, новый отец, Абдель, осмотрел его со всех сторон и чуть подтолкнул в спину.

– Заходи, Зафар. Добро пожаловать в новый дом.

Революция в Тегеране победила, следом за революцией, как обычно, пришли хаос, террор и расправы над неугодными. В период хаоса выправить новые документы несложно, чем немедленно воспользовался Абдель, оформив Зафара на свою фамилию. И приказав, именно приказав, забыть свое прошлое.

– Запомни, Зафар, одним словом ты можешь погубить не только себя, но и всю мою семью. И навредить своим родителям.

Навредить отцу с матерью Зафар никак не хотел и дал клятву на Коране, что забудет свое прошлое.

Через год началась война с Ираком, и старшие приемные братья ушли на фронт. Отчим тоже редко появлялся дома, отлавливая контрабандистов, которых с началом войны расплодилось немерено, несмотря на драконовские законы исламского государства и военного времени.

---

⁶ Сархан – иранский аналог звания «полковник».

⁷ Остовар – что-то среднее между старшиной и прапорщиком.

Жилось крайне тяжело, скудного жалования отчима едва хватало на грубую пищу, но Зафар терпеливо ждал, когда ему исполнится пятнадцать. В 1985 году, достигнув нужного возраста, он бросился в ближайший исламский комитет записываться в «басидж». Силы самообороны, входящие в состав Корпуса стражей исламской революции, для любого персидского пацана из бедных слоев – это реальный шанс выйти в люди. А выйти в люди пятнадцатилетнему Зафару Мирзапуру хотелось очень. Ему до смерти надоело жить в нищей семье, и, когда появился шанс уйти на фронт, он даже ни секунды не раздумывал.

Через два месяца он уже оказался в госпитале. Его ранило в первом же бою. Не имея достаточно техники на вооружении, революционное правительство Ирана предпочитало расчищать минные поля атаками фанатичных подростков из «басиджа». Мина взорвалась под ногами впереди идущего Камиля, разорвав его и еще трех «басиджей» на куски, но Зафара только посеколо осколками.

Первого иракца, пожилого седого пленного, он убил по приказу горухбана⁸ по возвращении из госпиталя. Араб, стоя на коленях, плакал и молил о пощаде, протягивая ему маленькую фотокарточку с изображением улыбающихся детей, а Зафар медленно, словно она весила целую тонну, поднимал автоматическую винтовку G3, слушая выкрики горухбана.

Выстрел – и араб, захлебнувшись криком и дергая ногами, покатился в противотанковый ров. Зафара затошнило, но горухбан, хлопнув его по спине, сказал:

– Молодец! Настоящий солдат. Беспощаден к врагам и смел в бою...

Как ни странно, первое убийство, хоть и безоружного пленного, помогло Зафару освоиться на передовой.

---

⁸ Горухбан – сержант.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.